

ВЛАД
ГЕНДЕЛЕВ

*Иногда правда
скрыта
в деталях*

СЛЕПАЯ ТОЧКА

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

*Нам не дано
предугадать свой путь,
Ни завтра знать,
ни прошлое вернуть.*

Омар Хайям

Влад Генделев

СЛЕПАЯ ТОЧКА

<https://litres.ru/74475854>

SelfPub; 2026

Аннотация

Известный московский адвокат Вадим Звягин собирает в загородном доме пятерых людей, чтобы поставить точку в истории двенадцатилетней давности. Через несколько часов его находят мёртвым в кабинете.

Убийца должен быть среди гостей. Но каждый находился на виду у остальных, и времени для преступления словно не существовало.

К расследованию привлекают бывшего следователя Игната Береста, специалиста по «невозможным» преступлениям. Показания сходятся, алиби подтверждаются, свидетели уверены в своих воспоминаниях.

И всё же Берест обнаруживает семь минут, которые есть в хронологии — но будто выпали из самого вечера.

А затем звучит одна случайная фраза. Всего несколько слов о том, что происходило у окна.

Слов, которые никто не должен был знать.

Влад Генделев

СЛЕПАЯ ТОЧКА

ПРОЛОГ

Последний ужин

«Мне известно, что мне ничего не известно, —

Вот последний секрет из постигнутых мной».

Омар Хайям. Перевод Германа Плисецкого

Дождь начался ещё днём и к вечеру сделался мелким, холодным и настойчивым. Он не лил стеной, не бил в окна, а словно висел в воздухе, превращая сад за домом в размытое тёмное пятно. Ветер время от времени проходил по голым верхушкам лип, подхватывал с дорожек мокрые листья и бросал их на стеклянные двери веранды.

Вадим Сергеевич Звягин дважды подходил к окну столовой.

В первый раз просто посмотрел в сад.

Во второй задержался дольше.

— Если ты ждёшь, что дождь закончится, — сказала Ирина, — боюсь, сегодня он тебя переждёт.

Звягин обернулся.

— Я ничего не жду от дождя.

— Это разумно. Он хотя бы не обещает.

Ирина произнесла это без улыбки.

За большим овальным столом сидели шестеро.

Если бы кто-нибудь посторонний увидел их сейчас, он, вероятно, решил бы, что здесь отмечают семейный праздник. Белая скатерть, свечи в низких подсвечниках, хорошие тарелки, вино, мясо, которое почти остыло на большом блюде, серебряное ведёрко с бутылкой шампанского, к которой никто так и не притронулся.

Но для семейного праздника компания была странной.

Ирина Звягина сидела справа от мужа. Ей был пятьдесят один год, и возраст почти не изменил её лица — только сделал черты строже. Тёмное платье, тонкая золотая цепочка, волосы собраны на затылке. Она несколько раз поправляла салфетку возле тарелки, хотя та и без того лежала совершенно ровно.

Напротив расположился их сын Павел.

Он приехал последним, минут за десять до того, как все сели за стол. Извинился за пробки, хотя никто не спрашивал. Теперь ел быстро и почти не участвовал в разговоре. Телефон лежал рядом с его правой рукой экраном вниз.

Ольга Вершинина сидела возле Павла. Сдержанная, аккуратная, в сером брючном костюме. Даже за ужином она выглядела так, будто через несколько минут ей предстояло войти в переговорную и объяснить совету директоров, почему

цифры в отчёте не означают того, что все думают.

Денис Карташ оказался единственным, кто почти не приоткрылся к еде.

Он сидел немного откинувшись, иногда брал бокал, но только поворачивал его за ножку.

Пятый гость, Александр Ремез, был старше остальных мужчин за столом, кроме хозяина, всего на пару лет. Высокий, сухощавый, с коротко подстриженными седыми волосами. Он приехал точно к назначенному времени, пожал Звягину руку, поздоровался со всеми и с тех пор говорил мало.

Разговор держался исключительно благодаря Ирине.

Она спросила Ольгу о поездке в Петербург.

Потом Павла — виделся ли он с матерью своей бывшей жены.

Потом почему-то заговорила о ремонте Ленинградского шоссе.

Каждая новая тема жила несколько минут и умирала.

Наконец Карташ положил вилку.

— Вадим Сергеевич, может быть, всё-таки объясните, зачем вы меня пригласили?

Ирина перестала поправлять салфетку.

Павел поднял голову.

Звягин продолжал резать мясо.

— Объясню.

— Когда?

— Сегодня.

— Это я уже понял.

— Тогда осталось немного подождать.

Карташ посмотрел на него и усмехнулся.

— Двенадцать лет ждал. Немного ещё выдержу.

Ольга опустила глаза.

Павел медленно положил вилку.

Звягин сделал вид, что не заметил перемены за столом.

— Денис, давайте хотя бы закончим ужин.

— Я не очень голоден.

— Я тоже.

— Вы у себя дома.

— Это не улучшает аппетит.

Ремез впервые за несколько минут вмешался:

— Если Вадим Сергеевич решил собрать нас именно сегодня, наверное, у него были причины.

Карташ повернулся к нему.

— У него всегда были причины.

— У всех есть причины.

— Не у всех после этих причин люди остаются без бизнеса.

Ирина тихо произнесла:

— Денис.

— Что?

— Не сейчас.

Карташ посмотрел на неё.

— А когда?

Она ничего не ответила.

Звягин отодвинул тарелку.

— Именно поэтому я вас и пригласил.

Теперь замолчали все.

Даже дождь за окнами будто стал слышнее.

Звягин взял бокал, но не выпил.

— Сегодня я собираюсь закончить одну старую историю.

Карташ коротко усмехнулся.

— Некоторые истории не заканчиваются только потому, что их автору надоело помнить.

— Согласен.

Ответ прозвучал настолько спокойно, что Карташ на секунду растерялся.

Звягин продолжил:

— Поэтому я и не собираюсь просить вас забыть.

Павел посмотрел на отца.

— Что происходит?

— Скоро узнаешь.

— Почему я должен узнавать это вместе со всеми?

— Потому что касается это не только тебя.

— Меня вообще касается?

— Да.

Павел откинулся на спинку стула.

— Прекрасно. А мама знает?

Ирина посмотрела на мужа.

— Не всё.

— Замечательный семейный вечер.

— Павел, — сказала она.

— Что? Я пытаюсь понять правила.

Звягин впервые улыбнулся, но улыбка получилась усталой.

— Правила как раз были одной из наших проблем.

Ремез поднял глаза.

— наших?

Звягин встретился с ним взглядом.

— В том числе.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Потом Звягин отвернулся.

Ольга взяла бокал с водой.

— Вадим Сергеевич, если речь идёт о компании, мне лучше понимать это заранее.

— Речь идёт не о сегодняшней компании.

— Тогда о чём?

— О прошлом.

Карташ тихо рассмеялся.

На этот раз никто его не остановил.

Звягин встал.

— После кофе прошу всех ко мне в кабинет. Есть одна старая история, которую пора закончить.

Павел тоже поднялся.

— Почему не сейчас?

— Потому что сейчас я хочу десять минут побыть один.

— Очень в твоём стиле.

— Возможно.

Ирина посмотрела на сына.

— Павел.

Он сел обратно.

Звягин обошёл стол.

Возле двери остановился.

— И ещё одно.

Все снова посмотрели на него.

Он будто хотел сказать что-то важное, но передумал.

— Нет. Потом.

И вышел.

Через несколько секунд слышались его шаги в холле, затем на лестнице.

Карташ посмотрел ему вслед.

— Ненавижу людей, которые умеют делать паузу перед последней фразой.

— Он всегда так говорил, — сказала Ирина.

— Нет. Раньше он сначала говорил, потом думал.

— Вы давно его не видели.

— Именно поэтому хорошо помню.

Ольга встала.

— Я помогу с кофе.

— Не надо, — сказала Ирина. — Всё приготовлено на кухне.

— Тогда я сама себе налью.

Она вышла.

Павел почти сразу взял телефон.

— Здесь связь отвратительная.

— В холле лучше, — сказала мать.

— Я знаю.

Он поднялся и тоже ушёл.

Карташ посмотрел на Ремеза.

— А вы понимаете, что сейчас произойдёт?

— Нет.

— Не верю.

— Это ваше право.

— Вы столько лет с ним работали.

— Именно поэтому не пытаюсь угадывать, что он скажет.

Карташ наконец отпил вина.

— Удобная позиция.

— Зато честная.

Ирина встала из-за стола.

— Я принесу кофе.

— Я думал, всё готово, — заметил Карташ.

Она посмотрела на него.

— Денис, если я ещё пять минут останусь за этим столом,

я начну отвечать на вопросы, на которые не хочу отвечать.

— Тогда кофе действительно лучше.

Она вышла.

Карташ остался с Ремезом вдвоём.

За окнами ветер качнул ветви старой липы. Несколько

мокрых листьев ударились о стекло и прилипли к нему.

Карташ некоторое время молчал.

— Вы знали, что он меня позовёт?

— Нет.

— А что позовёт Ольгу?

— Нет.

— Павел и жена понятны. Но мы трое...

Ремез посмотрел на него.

— Что?

— Ничего. Просто странный список.

— Согласен.

— И всё?

— А что вы хотите от меня услышать?

Карташ наклонился к столу.

— Что вы тоже боитесь того, что он сейчас скажет.

Ремез спокойно выдержал его взгляд.

— А вы боитесь?

Карташ усмехнулся.

— Я двенадцать лет хотел услышать от него правду. Было бы глупо бояться её сегодня.

— Люди часто боятся именно того, чего долго добивались.

— Это вы сейчас как адвокат?

— Как человек моего возраста.

Карташ откинулся назад.

— Никогда не понимал, как Вадим мог с вами работать.

— Мы с ним тоже иногда этого не понимали.

Карташ неожиданно рассмеялся.

В дверях появилась Ольга с чашкой.

— Что смешного?

— Александр Викторович наконец сказал что-то, с чем я согласен.

— Это действительно событие.

— Видите? Вечер уже не зря прошёл.

Ольга села.

— Где Павел?

— Где-то со своим телефоном.

— Ирина?

— За кофе.

Ольга посмотрела на часы на стене, но ничего не сказала.

Через несколько минут все снова перемешались.

Павел появился из холла, прошёл к бильярдной.

Карташ вышел следом, но остановился возле двери и вернулся за бокалом.

Ольга отправилась на кухню за водой.

Ирина появилась с кофейником, поставила его на маленький столик в гостиной и обнаружила, что чашек не хватает.

Ремез некоторое время стоял возле окна в холле.

Кто-то говорил с кем-то из соседней комнаты.

Кто-то проходил мимо лестницы.

Дом, ещё недавно собравший всех вокруг одного стола, распался на несколько маленьких пространств, между кото-

рыми люди двигались без всякого порядка.

Никто не смотрел на часы постоянно.

Никто не считал шагов.

Никто не запоминал, сколько времени другой человек на-
ходился вне поля зрения.

Тогда это никому не было нужно.

Ирина налила себе кофе.

Пить не стала.

Она посмотрела на лестницу.

Звягин всё ещё не спускался.

— Павел!

Из бильярдной донеслось:

— Что?

— Ты к отцу ходил?

— Нет.

— Он тебя не звал?

— Нет.

Карташ появился в дверях.

— Может, он передумал?

Ирина посмотрела на него.

— Вадим не любит передумывать.

— Люди меняются.

— Не настолько быстро.

Ольга поставила чашку.

— Может быть, он разговаривает по телефону.

Ирина помедлила.

— Я схожу.

Она пересекла холл.

На первой ступени остановилась, словно вспомнила что-то, посмотрела назад.

— Если кофе остынет, налейте новый.

— Ирина, — сказал Павел из бильярдной, — мы справимся.

— В этом доме никогда нельзя быть уверенной.

Она поднялась.

Наверху было темнее, чем внизу. Горела только настенная лампа возле лестницы и свет из кабинета в конце коридора.

Дверь кабинета была приоткрыта.

Ирина прошла несколько шагов.

— Вадим?

Ответа не было.

Она остановилась.

— Вадим Сергеевич?

Так она называла его только тогда, когда сердилась или нервничала.

Тишина.

Ирина толкнула дверь.

Первое, что она увидела, — опрокинутое кресло.

Потом бумаги на краю письменного стола.

Открытый ящик.

Потом мужа.

Он лежал на боку между столом и книжным шкафом, одна

рука была вытянута вперёд, словно в последний момент он пытался за что-то ухватиться.

Ирина не закричала сразу.

Несколько секунд она просто смотрела.

Потом сделала шаг.

— Вадим?

Ещё один.

И только теперь увидела кровь.

Она отступила.

Ладонь ударилась о дверной косяк.

Из горла вырвался короткий звук.

Внизу кто-то спросил:

— Ирина?

Она попыталась ответить.

Не смогла.

Шаги загрохотали по лестнице.

Первым появился Павел.

— Мам?

Он увидел отца и остановился так резко, что Карташ, поднимавшийся следом, едва не налетел на него.

— Не трогай, — сказал Ремез откуда-то сзади.

Павел обернулся.

— Что?

— Ничего не трогай.

Ольга осталась возле двери.

Карташ смотрел на тело.

Ирина прижала ладонь ко рту.

На ковре возле стола лежала тяжёлая бронзовая фигурка.

Павел сделал движение вперёд.

Ремез уже доставал телефон.

— Я вызову скорую и полицию. До их приезда лучше ничего здесь не трогать и не пытаться самим понять, что произошло.

Он набрал 112, назвал адрес и коротко объяснил диспетчеру, что хозяина дома нашли в кабинете без сознания, рядом кровь. На уточняющие вопросы отвечал спокойно, не добавляя собственных версий.

Диспетчер велел не перемещать тело и по возможности освободить помещение. Ирина отказалась уходить далеко от мужа и осталась в коридоре у кабинета. Павел, Вершинина и Карташ спустились вниз; Ремез закончил разговор и последовал за ними.

Перед тем как уйти, Ирина снова посмотрела на письменный стол, потом на открытый ящик.

— Здесь была папка. Большая, тёмная. Вадим принёс её днём.

Павел замер у лестницы.

— Я тоже её видел, но сейчас не хочу гадать, когда именно. Потом скажу следователю всё, что помню.

Ремез, уже стоявший на ступенях, обернулся.

— Именно так и надо. Сейчас лучше не трогать ни вещи, ни собственные воспоминания попытками немедленно сло-

жить из них объяснение.

Тогда его спокойствие никому не показалось странным.

Один за другим.

Пять человек, которые совсем недавно сидели за одним столом.

Через несколько часов каждый из них будет рассказывать, где находился после ужина.

Каждый вспомнит, кого встретил.

Кто прошёл через холл.

Кто стоял возле бильярдной.

Кто разговаривал в зимнем саду.

Кто возвращался из кухни.

И каждый будет говорить правду.

Почти всю.

ГЛАВА I

Невозможное дело

«Кто понял жизнь, тот больше не спешит...»

Омар Хайям

Телефон зазвонил, когда Игнат Берест собирался выключить кофеварку.

Он посмотрел на экран, но отвечать сразу не стал. Сначала

переставил турку на холодную конфорку, вытер с края плиты две капли кофе и только потом принял вызов.

— Слушаю.

— Ты дома?

Голос он узнал сразу.

— Нет, Глеб. Я сейчас стою посреди Сахары и очень удивлён качеству связи.

— Значит, дома.

— Ты всегда был сильнее в дедукции, чем принято считать.

Глеб Аркадьевич Сафронов пропустил замечание мимо ушей.

Они знали друг друга больше двадцати лет. Когда-то работали в одном управлении, потом их дороги разошлись. Сафронов остался в системе, дослужился до должности, на которой сам уже редко выезжал на места преступлений, и приобрёл привычку звонить Игнату только в двух случаях: когда хотел поздравить с днём рождения и когда происходило что-нибудь, чему не находилось простого объяснения.

До дня рождения Береста оставалось четыре месяца.

— У тебя сегодня есть планы?

— Были.

— Отмени.

— Хорошо.

На другом конце возникло короткое молчание.

— Даже не спросишь, зачем?

— Если бы это можно было объяснить по телефону, ты бы объяснил.

— Иногда ты меня раздражаешь.

— Ты звонишь мне слишком рано. Это взаимно.

Берест налил кофе.

За окном висело низкое серое небо. Ночью дождь закончился, но двор оставался мокрым, и чёрные ветви деревьев казались нарисованными тушью на грязном стекле.

— Вчера вечером убили Вадима Звягина, — сказал Сафронов.

Игнат перестал смотреть в окно.

Фамилия была знакомой.

— Адвокат?

— Он самый.

— Где?

— Загородный дом. Одинцовское направление.

— Ограбление?

— Не похоже.

— Семья?

— Была в доме.

— Кто ещё?

— Вот поэтому я и звоню.

Берест отпил кофе.

— Продолжай.

— Шесть человек в доме. Звягин и пятеро остальных участников ужина. Прислугу отпустили после ужина. В ка-

кой-то момент Звягин ушёл в кабинет на втором этаже. Потом жена поднялась за ним и нашла мёртвым.

— Причина смерти?

— Удар по голове. Предположительно бронзовой статуэткой из кабинета.

— Посторонние?

— Пока никаких признаков.

— Значит, один из пятерых.

— Значит.

Сафронов произнёс это без уверенности.

Игнат поставил чашку.

— И?

— У всех пятерых алиби.

— Хорошее?

— Если бы плохое, я бы тебе не звонил.

— Они одновременно находились в одной комнате?

— Нет.

— Тогда алиби не у всех.

— Вот приезжай и объясни мне это на месте.

Берест посмотрел на часы.

Старый механический циферблат показывал без восьми девять.

На кухонных электронных было восемь сорок пять.

Разница привычная.

— Пришли адрес.

— Машину за тобой отправить?

— Не надо.

— Игнат.

— Что?

— Я серьёзно.

— Я тоже. Пришли адрес.

Он отключился.

Сообщение пришло через несколько секунд.

Берест дочитал его, допил кофе и только после этого пошёл одеваться.

...

Игнат Берест ушёл из Следственного комитета три года назад и возвращаться не собирался.

Первые месяцы после увольнения он вообще не хотел иметь дела с уголовными делами. Потом позвонил старый знакомый адвокат и попросил посмотреть материалы одного процесса. Следствие считало, что подозреваемый лжёт. Игнат прочитал показания и обнаружил другое: человек говорил правду, но следователь задавал ему вопрос, основанный на неверном предположении.

Потом был ещё один случай. Потом третий.

Постепенно за Берестом закрепилась странная профессия, которой не существовало ни в одном штатном расписании. Он не был частным детективом, не искал пропавших мужей и не собирал доказательства измен. Он разбирал чужие расследования в тех случаях, когда факты вроде бы складывались, но получившаяся картина противоречила

здравому смыслу.

Иногда его приглашали адвокаты. Иногда — бывшие коллеги. Последнее происходило реже: государственная система не слишком любит признавать, что ей нужен человек со стороны.

Сафронов относился к этому проще.

Он звонил Бересту тогда, когда в деле появлялась фраза: «Этого не мог сделать никто».

Игнат обычно отвечал одинаково:

«Значит, вы пока неправильно поняли, что произошло».

Он не имел права распоряжаться следственной группой, назначать экспертизы или самостоятельно проводить допросы. Всё это оставалось за следователем, ведущим дело. Берест мог смотреть, сопоставлять, задавать вопросы с разрешения следователя и предлагать то, что следовало проверить.

Его это устраивало.

В последние годы ему всё меньше хотелось командовать людьми и всё больше — понимать, в каком месте они ошиблись.

...

До дома Звягина он добирался чуть больше часа.

Москва закончилась незаметно. Многоэтажные дома сменились торговыми центрами, заправками, придорожными кафе, потом появились посёлки за высокими заборами. Чем дальше он ехал, тем меньше становилось машин.

Дождя не было, но асфальт блестел. По краям дороги лежали мокрые листья.

Игнат не любил приезжать на место преступления после того, как там уже успевали поработать другие.

Не потому, что не доверял следователям.

Наоборот.

Он слишком хорошо знал, как быстро профессиональный взгляд превращает комнату в набор значимых объектов.

Вот тело.

Вот оружие.

Вот кровь.

Вот окно.

Вот дверь.

Вот след.

А всё остальное постепенно становится фоном.

Иногда именно на фоне и находилось то, что потом оказывалось важным.

У ворот его остановил сотрудник полиции.

Берест назвал фамилию.

Тот сверился с телефоном и открыл.

Дом стоял в глубине участка.

Двухэтажный, светлый, с широкими окнами и застеклённой верандой. Никакой показной роскоши. Скорее старая дорогая вещь, которой владелец давно перестал любоваться.

На дорожке возле крыльца Береста встретил мужчина лет пятидесяти в тёмном пальто.

— Игнат Андреевич?

Берест посмотрел на него.

— Пока да.

Мужчина на секунду растерялся.

— Подполковник Лев Борисович Гущин. Следственный комитет.

Они пожали руки.

— Глеб Аркадьевич сказал, что вы приедете.

— Он обычно сообщает о последствиях своих решений уже после того, как их принимает.

Гущин улыбнулся.

— Тогда понятно, почему вы столько лет знакомы.

— Он внутри?

— Нет. Был ночью, уехал часа два назад. Дело веду я.

Это Бересту понравилось.

По крайней мере, не придётся выяснять, кто здесь действительно принимает решения.

— Глеб Аркадьевич объяснил, зачем меня позвали?

— Объяснил. Сказал, что когда пять нормальных показаний дают ненормальный результат, вы иногда находите шестое объяснение.

Берест поморщился.

— Это очень похоже на Сафронова. Особенно слово «иногда».

— Он ещё сказал, что вы три года как ушли из Следственного комитета и возвращаться не собираетесь.

— Вот это уже точнее.

Гущин открыл дверь дома.

— Сразу договоримся о границах. Дело веду я. Процессуальные решения принимаю я. Если захотите поговорить с кем-то из свидетелей, посмотреть изъятое или назначить дополнительное исследование, сначала говорите мне.

— Именно так я и собирался работать.

— Тогда чего вы хотите от нас?

— Первичные материалы. И чтобы мне как можно дольше не рассказывали, кого вы считаете убийцей.

Гущин посмотрел на него с явным сомнением.

— Обычно консультанта приглашают именно для того, чтобы рассказать ему о версии следствия.

— Поэтому меня обычно приглашают не сразу.

Гущин чуть помедлил.

— Хорошо, тогда давайте начнем.

Они вошли в дом.

В холле пахло кофе, влажной одеждой и чем-то ещё — едва заметным, медицинским. Запахом, который появлялся после работы криминалистов и потом ещё долго оставался в помещении.

Берест снял пальто.

— Где остальные?

— Все здесь.

— Почему?

— Попросили не уезжать до окончания первичных дей-

ствий. Ночь провели в доме. Утром снова начали опросы.

— Вместе?

— Сейчас раздельно.

Берест остановился.

— Сейчас?

Гущин посмотрел на него.

— Ночью тоже старались разводить.

— Старались — это не совсем то же самое, что развели.

— После обнаружения тела был определённый период, когда все находились внизу. Естественная реакция. Шок, звонки, ожидание скорой и полиции.

— Сколько?

— Не засекали. Минут пятнадцать-двадцать, возможно, больше.

Берест ничего не сказал.

Пока это не означало ничего.

Но он запомнил.

— Тело?

— Увезли в четыре утра. Кабинет опечатан.

— Сначала хочу посмотреть дом.

— Кабинет?

— Дом.

Гущин кивнул.

...

Первый этаж оказался больше, чем казался снаружи.

Из холла можно было пройти в гостиную, столовую и

дальше в зимний сад. В другой стороне находилась бильярдная. За столовой располагалась кухня.

Берест шёл медленно.

Ничего не фотографировал.

Гущин дважды пытался что-то объяснить, потом понял, что лучше подождать.

В столовой всё ещё стоял длинный овальный стол. Посуду убрали не полностью. На краю лежала сложенная салфетка, рядом — пустой бокал.

— Здесь ужинали?

— Да.

— Кто где сидел?

Гущин показал.

Берест посмотрел на места.

— Зачем они собрались?

— Формально частный ужин.

— А неформально?

— Вот это пока интересно.

— Никто не знает?

— Каждый знает немного.

— Это хуже, чем если бы никто не знал.

Гущин усмехнулся.

— Почему?

— Потому что пять кусочков правды обычно дают больше неправильных версий, чем отсутствие информации.

Он прошёл к окну.

Снаружи тянулся мокрый сад.

— Звягин сам их пригласил?

— Всех пятерых.

— Когда?

— В разное время. Кого за несколько дней, кого раньше.

— Формулировка приглашения?

— Не одинаковая.

— Хорошо.

— Почему хорошо?

— Потому что если бы была одинаковая, вы бы уже решили, что она что-нибудь означает.

Гущин посмотрел на него внимательнее.

— Сафронов предупреждал.

— О чём?

— Что с вами иногда трудно разговаривать.

— Он преувеличивает. Со мной трудно соглашаться.

Они вышли в холл.

Лестница на второй этаж начиналась почти напротив входа.

Берест поднял голову.

— Кто нашёл тело?

— Жена. Ирина Звягина.

— Одна?

— Поднялась одна. После её крика прибежали остальные.

— Кто первым?

— Сын, Павел. За ним Карташ. Потом Ремез и Вершини-

на.

— Это установлено?

— По их словам.

— Значит, пока не установлено.

Гущин ничего не ответил.

Они поднялись.

Коридор второго этажа был недлинным. Справа спальни, в конце — кабинет.

На двери стояла пломба.

Гущин снял её в присутствии сотрудника.

— Можно?

Берест надел перчатки.

— Теперь можно.

...

Кабинет Звягина оказался просторным, но не парадным.

Книжные шкафы занимали две стены. Большой письменный стол стоял ближе к окну. Возле него — два кресла.

На ковре оставались метки, обозначающие положение тела.

Берест остановился у двери.

Не вошёл сразу.

Посмотрел.

— Его нашли здесь?

— Да.

Гущин показал.

— Головой примерно сюда. Один удар. Судя по предва-

рительному заключению, смерть могла наступить практически сразу.

— Защитные повреждения?

— Пока не нашли.

— Значит, нападения не ожидал. Или не успел понять.

— Вероятно.

Берест посмотрел на бронзовую фигурку, теперь лежавшую в прозрачном пакете на отдельном столике.

Небольшая тяжёлая скульптура — всадник на коне.

— Она откуда?

— Стояла на этом шкафу.

— Уверены?

— Жена и сын подтвердили.

— Отпечатки?

— Поверхность протёрта. Есть смазанные следы, ничего пригодного. Криминалисты нашли несколько волокон в углублениях, но пока непонятно, имеют ли они отношение к убийству. Вещь старая, её могли брать в руки десятки раз.

Берест наклонился, не касаясь пакета.

— Запишите отдельно.

— Уже.

— Хорошо.

Он подошёл к столу.

Один ящик был открыт.

— Взлом?

— Нет.

— Что пропало?

— Большая папка с документами.

— Откуда известно?

— Жена сказала, что видела её днём. Сын тоже.

— Содержимое?

— Не знают.

— Больше ничего?

— Деньги, часы, техника — всё на месте.

— Значит, если папку действительно забрали, тот, кто её забрал, мог знать, зачем она нужна.

— Мы тоже так думаем.

Берест посмотрел на него.

— Я пока так не думаю.

— Но вы только что сказали...

— Я сказал «мог». Это полезное слово, Лев Борисович. Оно оставляет место для других вариантов.

Гущин вздохнул.

— Теперь понимаю Сафронова.

Игнат отошёл от стола.

— Что с периодом смерти?

— Предварительно — между десятью и одиннадцатую вечера. Точнее после вскрытия.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Чем шире, тем меньше соблазн изображать точность там, где её нет.

— Но нам нужно установить последовательность.

— Конечно. Только не надо заставлять медицинское заключение говорить больше, чем оно может.

Берест подошёл к окну.

Из кабинета был виден тёмный сад и часть подъездной дорожки.

— Камеры?

— Снаружи есть, но ничего полезного. Внутри нет.

— Хорошо.

— Вы сегодня второй раз радуетесь отсутствию информации.

— Нет. Я радуюсь отсутствию ложной уверенности.

Он повернулся.

— Теперь расскажите про алиби.

Гущин достал планшет.

— Лучше покажу внизу.

...

Они расположились в небольшой гостиной.

На столе лежала распечатанная схема.

Гущин положил рядом пять листов.

— Ирина Звягина. После ухода мужа некоторое время разговаривала с Вершининой в зимнем саду. Потом была в гостиной, готовила кофе. Её видели несколько человек.

Он положил следующий лист.

— Ольга Вершинина. Часть времени с Ириной, потом ходила на кухню, возвращалась. Её видел Павел.

Третий.

— Павел. Холл, затем бильярдная. Его встречал Карташ.

Четвёртый.

— Денис Карташ. Столовая, холл, бильярдная. Его видели

Павел и Ремез.

Пятый.

— Александр Ремез. Холл, столовая, возле бильярдной.

Его видели практически все.

Берест просмотрел листы.

— Практически?

— В разные моменты.

— Это не алиби.

— По отдельности — нет. Вместе получается почти непрерывная цепочка.

Гущин взял карандаш.

— Смотрите. Ирина видит Ольгу. Ольга потом встречает Павла. Павла видит Карташ. Карташа — Ремез. Ремеза вскоре снова видит Ирина. Плюс несколько дополнительных пересечений.

Он провёл линии.

— Если сопоставить показания, получается, что никто не мог подняться наверх, убить Звягина и вернуться незамеченным.

Берест посмотрел на схему.

— Получается?

— Пока да.

— А убийство получилось?

Гущин нахмурился.

— В каком смысле?

— Звягин мёртв?

— Разумеется.

— Тогда кто-то всё-таки смог.

— Именно поэтому вы здесь.

Игнат снова посмотрел на пять листов.

— Они могли сговориться?

— Теоретически. Практически не вижу смысла. Мотивы у них разные, отношения между некоторыми откровенно плохие. Карташ едва терпел Звягина. Сын конфликтовал с отцом. Жена что-то скрывает. Вершинина явно боится вопросов о финансах. Ремез...

— Что Ремез?

— Пока ничего. Старый партнёр. Выглядит наиболее спокойно.

— Это преступление?

— Пока нет.

Берест отложил листы.

— Кто главный подозреваемый?

Гущин улыбнулся.

— Наконец спросили.

— Я спросил, чтобы вы мне не отвечали.

— Не понял.

— Не говорите.

— Почему?

— Потому что после этого я начну читать материалы уже про него.

— Игнат Андреевич, мы всё равно должны строить версии.

— Обязательно. Но я предпочитаю сначала понять, на чём построена сама задача.

Он взял чистый лист.

— Давайте заново.

— Что заново?

Берест написал в верхней части страницы:

ЧТО МЫ РЕАЛЬНО ЗНАЕМ?

Ниже провёл три вертикальные черты.

В первой колонке написал:

ФАКТ

Во второй:

ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ

В третьей:

ЧУЖИЕ СЛОВА

Гущин некоторое время смотрел.

— Это ваша знаменитая нулевая версия?

— Не знаменитая.

— Сафронов рассказывал.

— Тогда тем более не знаменитая.

Игнат указал на первую колонку.

— Звягин мёртв. Факт.

Записал.

— Причина смерти — удар тяжёлым предметом. Пока предварительный, но достаточно надёжный факт.

Следующая строка.

— Фигурка могла быть орудием.

Он посмотрел на Гущина.

— Куда?

— В факты?

— Нет.

Берест записал во вторую колонку.

Фигурка — орудие убийства.

— Пока предположение.

— На ней кровь.

— Тогда сильное предположение. Экспертиза подтвердит — перенесём.

Он продолжил:

— Посторонних следов проникновения не найдено.

Первая колонка.

— В доме находились шестеро.

Гущин хотел что-то сказать.

Берест поднял палец.

— По словам присутствующих и по имеющимся данным. Пока достаточно.

Записал.

— Папка была на столе.

— Жена и сын подтверждают.

Берест написал в третьей колонке:

Папка находилась в кабинете.

— Почему не факт?

— Потому что мы её не видели. Два человека говорят, что видели. Возможно, это правда. Но пока это чужие слова.

Гущин улыбнулся.

— Так можно половину дела разобрать на части.

— В этом и смысл.

— А потом?

— Потом собрать обратно. Только уже правильно.

Берест посмотрел на схему алиби.

— Теперь главное.

Он взял лист с линиями, который составил Гущин.

— Вот это что?

— Перемещения.

— Нет. Это реконструкция перемещений.

— На основании показаний.

— Именно.

Игнат положил её в сторону.

— Значит, пока третья колонка.

— Вся?

— Вся.

Гущин откинулся на спинку кресла.

— Вы сейчас одним движением уничтожили работу половины группы.

— Нет. Я просто перестал называть её фактом.

В дверях появился молодой сотрудник.

— Лев Борисович, из морга звонили. Предварительно подтверждают один удар. Тяжёлым тупым предметом. Время пока не сужают.

— Спасибо.

Тот ушёл.

Берест посмотрел на Гущина.

— Вот видите. Один удар.

— И?

— Сколько времени нужно человеку, чтобы войти в комнату и один раз ударить другого человека?

— Несколько секунд.

— А чтобы подняться сюда и вернуться?

— Зависит от того, откуда.

— Конечно.

Игнат взял схему дома.

— Но почему тогда вы ищете длинный промежуток?

Гущин задумался.

— Потому что был разговор.

— Кто сказал?

— Звягин вызвал всех в кабинет, собирался что-то сообщить.

— Это означает, что с убийцей он долго разговаривал?

— Нет.

— Убийца искал оружие?

— Фигурка находилась в кабинете.

— Значит, искать не требовалось.

— Папка.

— Мы пока даже не знаем, искал ли её убийца.

Гущин несколько секунд смотрел на него.

— Вы хотите сказать, мы сами сделали преступление более длинным, чем оно было?

— Я пока ничего не хочу сказать.

Берест снова посмотрел на лист.

Пять фамилий.

Пять человек.

Множество пересечений.

Каждый кого-то видел.

Каждого кто-то видел.

На первый взгляд — плотная сеть, в которой невозможно исчезнуть.

Игнат взял карандаш.

— Давайте уберём время.

— Совсем?

— Пока да.

— Как тогда восстанавливать вечер?

— Не будем восстанавливать вечер.

— А что будем?

Берест перевернул лист схемы чистой стороной вверх.

Посередине написал пять фамилий:

ИРИНА.

ПАВЕЛ.

ВЕРШИННИНА.

КАРТАШ.

РЕМЕЗ.

— Для начала только одно.

— Что?

— Кто кого видел собственными глазами.

— У нас это уже есть.

— Нет. У вас есть рассказ о вечере. Мне пока не нужен рассказ.

Он положил карандаш рядом с листом.

— И ещё.

— Что?

— Я хочу первые показания. Самые первые. До уточнений, повторных разговоров и красивых схем.

Гущин посмотрел на него.

— Думаете, кто-то изменил показания?

— Не знаю.

— Тогда зачем?

Берест надел пальто, которое принесли из холла.

— Потому что сейчас вы показываете мне пять алиби.

— Они существуют.

Игнат застегнул пальто.

— Вот это мы и проверим.

Он посмотрел на лежащую на столе схему с аккуратными линиями.

— И больше не говорите мне, что здесь произошло невозможное убийство.

— Почему?

Берест взял чистый лист с пятью фамилиями.

— Потому что невозможность — это уже версия.

И вышел из комнаты.

ГЛАВА II

Нулевая версия

«Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало...»

Омар Хайям

Первые показания принесли через двадцать минут.

Берест за это время успел снова пройти по первому этажу, выпить чашку слишком крепкого кофе и отказаться от второй. Теперь он сидел в маленькой комнате рядом с гостиной, которую Звягин, судя по книжному шкафу и старому письменному столу, использовал то ли как домашнюю канцелярию, то ли как место для работы с корреспонденцией.

Гущин положил перед ним тонкую стопку распечаток.

— Это самые ранние записи. Часть сделана ещё ночью, до

полноценных протоколов. Я попросил ничего не приводить в порядок и не заменять поздними версиями.

Берест посмотрел на него поверх первой страницы.

— Вот за это спасибо. Самые неудобные записи обычно самые полезные.

— Потому что люди ещё не успели придумать ложь?

— Потому что они ещё не успели придумать порядок. Ложь — отдельная проблема. Человек может совершенно честно ошибаться и при этом быть увереннее любого лжеца.

Гущин сел напротив.

— Тогда объясните, что именно вы собираетесь искать. Если не убийцу, не мотив и даже не точное время смерти, у меня начинает возникать ощущение, что мы занимаемся чем угодно, кроме расследования.

Игнат перевернул страницу.

— Убийцу мы будем искать обязательно. Только сначала я хочу понять, почему вы решили, что его невозможно найти.

— Я бы сформулировал иначе. У нас пять человек, каждый из которых в предполагаемый период смерти пересекался с другими. Ни у кого не видно достаточного окна.

— Вот уже два предположения в одной фразе.

— Какие именно?

— «Предполагаемый период» и «достаточное окно». Первое пока широкое. Второе вообще неизвестно какой длины. Гущин усмехнулся.

— С вами действительно приходится следить за словами.

— Со словами всегда полезно следить. Особенно когда люди начинают использовать их вместо доказательств.

Он углубился в показания.

Первые записи сильно отличались от аккуратных схем, которые Гущин показывал утром.

Ирина Звягина:

После ухода мужа некоторое время оставалась в столовой. Потом разговаривала с Ольгой. Кажется, в зимнем саду. После этого пошла за кофе.

Павел:

Вышел в холл, пытался дозвониться. Потом был в бильярдной. Встречал Карташа, но не помнит, до того как подошёл к окну или после.

Ольга Вершинина:

Разговаривала с Ириной. Ходила на кухню за водой. Видела Павла в коридоре или возле входа в бильярдную.

Карташ:

Оставался в столовой. Потом выходил. Разговаривал с Павлом. В какой-то момент видел Ремеза.

Ремез:

После ужина находился преимущественно в общих помещениях. Разговаривал с Карташем. Видел Павла в бильярдной. Несколько раз встречал Ирину.

Берест дочитал последний лист и вернулся к первому.

— Здесь всё значительно лучше.

Гущин нахмурился.

— Для кого?

— Для расследования. Для красивого алиби значительно хуже.

— Поздние показания просто подробнее. Люди успокоились, вспомнили последовательность.

— Возможно.

— Вы опять используете своё любимое слово.

— Оно дешёвое и очень полезное.

Берест разложил пять листов веером.

— Посмотрите на формулировки. «Кажется». «Не помню». «В какой-то момент». «До или после». Это нормальная человеческая память о вечере, когда никто заранее не собирался запоминать собственные перемещения.

— А через несколько часов они могли восстановить порядок.

— Могли. Вопрос в другом: восстановили каждый отдельно или вместе.

Гущин задумался.

— Я уже сказал вам, что после обнаружения тела они какое-то время находились внизу.

— Именно поэтому пока ничего не утверждаю.

Игнат отодвинул показания.

— Давайте начнём ещё раньше.

— С чего?

— С момента убийства. Не с людей.

Гущин достал другую папку.

— Фотографии места, первичный осмотр, предварительные данные эксперта.

Берест открыл фотографии.

На первой кабинет был снят от двери.

Тело Звягина ещё лежало возле письменного стола. Опрокинутое кресло. Открытый ящик. Несколько листов бумаги на столе. На ковре, чуть в стороне от тела, бронзовый всадник.

На второй фотографии — крупный план головы погибшего.

На третьей — фигурка.

Берест задержался на ней.

— Масса?

— Чуть больше двух килограммов.

— Для такого повреждения достаточно.

— Эксперт считает так же.

— Тогда после заключения перенесём её из предположений в факты.

Гущин покачал головой.

— Если кровь погибшего на фигурке и форма повреждения соответствует выступающей части основания, что ещё вам нужно?

— Заключение специалиста. Я не судмедэксперт, а вы, насколько помню, тоже.

— Хорошо. Пусть пока будет предположение с очень высокой вероятностью.

— Так мне нравится больше.

Игнат приблизил фотографию.

Бронзовый всадник выглядел тяжёлым и неудобным. Конь поднят на дыбы, фигура закреплена на овальном основании. Поверхность тёмная, местами потёртая.

— Где она обычно стояла?

— На низком шкафу слева от письменного стола. Жена и сын это подтверждают. На старых фотографиях кабинета она тоже там.

— Значит, приносить оружие с собой не требовалось.

— Если убийца заранее собирался убивать именно фигуркой, он должен был знать, что она там.

Берест поднял взгляд.

— А зачем ему заранее собираться убивать фигуркой?

— Необязательно собирался.

— Вот именно.

Он вернулся к фотографиям.

— Пока мы имеем человека, который входит в кабинет, где уже находится предмет, способный стать оружием. Между ним и Звягиным происходит что-то достаточно серьёзное. Один удар. Всё.

— Вы сознательно упрощаете.

— Конечно. Пока версия сложнее фактов, её нужно упрощать.

Гущин перелистнул экспертные материалы.

— Защитных повреждений действительно не обнаружено.

По крайней мере, предварительно. На руках ничего характерного. Положение тела тоже не указывает на борьбу.

— Кабинет разгромлен?

— Вы сами видели. Опрокинуто одно кресло. Ящик открыт. На столе немного сдвинуты бумаги.

— Значит, долгой борьбы тоже не было.

Берест взял чистый лист.

Написал:

УБИЙСТВО МОГЛО БЫТЬ КОРОТКИМ.

Потом перечеркнул слово «могло» одной тонкой линией и переписал ниже:

НЕИЗВЕСТНО, СКОЛЬКО ДЛИЛОСЬ УБИЙСТВО.

— Так точнее.

— И менее полезно, — заметил Гущин.

— Зато не врёт.

Он взял следующую фотографию.

— Теперь папка.

— Тёмная, большая, с документами. Её видели жена и сын.

— Когда?

Гущин сверился с материалами.

— Ирина говорит, что около пяти часов дня. Звягин приехал из Москвы и сам занёс папку в кабинет. Павел утверждает, что видел её позже.

— Насколько позже?

— Это лучше спросить у него самого. В первом показании

он точного времени не называл.

— Вот и не будем пока его придумывать.

Берест сделал запись в третьей колонке:

Ирина и Павел утверждают, что в кабинете находилась папка. После убийства её не обнаружили.

Гущин прочитал.

— Почему вы не пишете просто: «убийца забрал папку»?

— Потому что мы не знаем, кто её забрал.

— Она исчезла одновременно с убийством.

— Мы даже этого пока не знаем. Последний человек, который достоверно видел папку, мог видеть её за несколько часов до смерти. Теоретически Звягин сам мог её куда-нибудь убрать.

— Кабинет обыскали.

— Тогда вероятность ниже. Но формулировка всё равно остаётся прежней.

Гущин посмотрел на три колонки.

— Если следовать вашему принципу буквально, мы вообще ничего не знаем.

— Это неприятное ощущение быстро проходит. Особенно когда начинаешь отличать то, что действительно знаешь, от того, что привык считать известным.

Игнат перевернул ещё несколько фотографий.

— Что с фигуркой кроме крови и смазанных следов?

— Вот здесь интереснее.

Гущин достал отдельный лист.

— На поверхности пригодных отпечатков нет. Есть несколько старых фрагментарных следов, но они ничего не дают. Поверхность, вероятно, протирали. В одном из углублений основания криминалисты обнаружили микроволокна.

— Какие?

— Несколько разных. Хлопок, синтетика, одно шерстяное. Сейчас исследуют подробнее.

— Почему решили, что они старые?

— Не решили. Просто фигурка стояла в жилом кабинете много лет. Её брали в руки, вытирали от пыли, переставляли. Установить момент попадания волокна невозможно.

Берест прочитал заключение.

— Правильно.

Он написал в колонке фактов:

На фигурке обнаружены микроволокна неизвестного происхождения.

Рядом поставил маленький знак вопроса.

Гущин заметил:

— Думаете, пригодится?

— Не знаю.

— Тогда зачем выделять?

— Потому что это факт. Его значение нам неизвестно, но от этого он не перестаёт существовать.

— А если это ворс от тряпки уборщицы?

— Тогда позднее мы это установим и забудем.

— А если не установим?

— Тогда просто не будем строить на нём доказательство. Берест закрыл папку.

— Самая неприятная ошибка в расследовании — не пропустить улику. Самая неприятная ошибка — решить заранее, что она означает.

Гущин некоторое время молчал, потом указал на лист:

— Хорошо. Фигурка, папка, один удар. Что дальше?

— Люди.

— Наконец-то.

— Не радуйтесь. Пока только как физические объекты.

— Вы умеете сделать комплимент.

Берест взял схему первого этажа.

— Покажите, где находился каждый после ухода Звягина.

Гущин придвинул стул.

— Если брать поздние показания, Ирина сначала была...

— Не поздние.

— Тогда будет приблизительно.

— Именно приблизительно и было в действительности.

Гущин взял карандаш.

— Ирина оставалась в столовой, потом разговаривала с Вершининой. Вершинина позже ходила на кухню. Павел выходил в холл с телефоном, потом оказался в бильярдной. Карташ сначала сидел за столом, затем тоже начал ходить между столовой и холлом. Ремез находился в общих помещениях.

— «Находился в общих помещениях» — это где?

— Его видели в столовой, холле, возле бильярдной.

— Кто?

Гущин стал перечислять.

Берест записывал не время, а пары фамилий.

Ирина — Ольга.

Ольга — Павел.

Павел — Карташ.

Карташ — Ремез.

Ремез — Ирина.

Потом добавил несколько дополнительных пересечений.

Получилась сеть.

— Вот поэтому мы и говорим об алиби, — сказал Гущин.

— Не одна цепочка. Они пересекаются несколько раз.

Берест посмотрел на лист.

— Вы знаете старую ошибку пассажира в поезде?

— Боюсь, сейчас узнаю.

— Человек несколько раз видит проводника в вагоне и потом говорит: «Он всё время был здесь». Хотя на самом деле видел его пять раз по двадцать секунд.

— Но у нас не один проводник и не один пассажир.

— Поэтому ошибка выглядит убедительнее.

Гущин взял карандаш и указал на линии.

— Всё равно остаётся проблема. Чтобы подняться наверх, поговорить со Звягиным, убить его, забрать папку, протереть оружие и вернуться, человеку требуется время.

Берест посмотрел на него.

— Вот она.

— Что именно?

— Ваша невозможность.

— Я не понимаю.

Игнат перечислил, загибая пальцы:

— Подняться. Поговорить. Убить. Искать папку. Протереть оружие. Вернуться. Вы представляете это как последовательность длительных действий. Поэтому ищете большой свободный промежуток.

— А как предлагаете представить вы?

— Пока никак. Я предлагаю убрать всё, чего мы не знаем.

Он взял новый лист.

— Человек поднимается.

Записал.

— Входит в кабинет. Звягин его знает, поэтому не защищается сразу.

Следующая строка.

— Разговор может состоять из трёх фраз.

Ещё одна.

— Оружие находится рядом. Искать его не надо.

— Папку всё равно надо найти.

— Только если убийца не знает, где она.

— А если знает?

— Тогда берёт.

— Протирает фигурку.

— Это занимает недолго.

— Возвращается.

Берест положил карандаш.

— Теперь скажите: где здесь обязательные двадцать минут?

Гущин долго смотрел на записи.

— Двадцать — никто и не утверждал.

— Десять?

— Тоже.

— Тогда сколько?

— Несколько минут как минимум.

— Вот их и будем искать. Не теоретический промежуток, который кажется нам подходящим для убийства, а реальный промежуток, когда человека никто не видел.

Гущин медленно кивнул.

— Это всё равно не решает алиби.

— Пока мы ничего не решаем.

— Но сужаем задачу.

— Наоборот. Расширяем. До этого вы искали длинную дыру. Возможно, её никогда не существовало.

Игнат снова посмотрел на фотографии кабинета.

Звягин лежал возле стола.

Один удар.

Опрокинутое кресло.

Фигурка.

Пропавшая папка.

Всё выглядело почти демонстративно просто.

Сложность начиналась не в комнате.

Она начиналась после выхода из неё.

— Кто первым решил, что все пятеро надёжно перекрывают друг друга? — спросил Берест.

— Один из оперативников ночью свёл показания. Утром мы уточнили.

— Свёл на основании каких показаний?

— Первичных и повторных.

— Вместе?

— Разумеется. Повторные подробнее.

Игнат закрыл глаза на несколько секунд.

— Вот этого пока больше не делайте.

— Почему?

— Потому что поздняя уверенность не обязательно точнее ранней неуверенности.

— Но человек мог вспомнить.

— Мог. А мог услышать чужую версию, сопоставить её со своей и через час уже не помнить, откуда именно взялась последовательность.

Гущин нахмурился.

— Вы предполагаете сговор?

— Если бы я предполагал сговор, сказал бы «сговор». Я

говорю о другом. Пять человек после убийства находились вместе. Они разговаривали?

— Разумеется. По словам сотрудников, когда приехала первая группа, они обсуждали, кто где был.

— Вот это уже интересно.

— В состоянии шока люди всегда обсуждают случившееся.

— Конечно. Именно поэтому это интересно.

Гущин некоторое время изучал Береста.

— Вы хотите сказать, они сами создали друг другу алиби?

— Я хочу сказать только то, что сказал: они разговаривали до того, как их показания окончательно зафиксировали раздельно.

— Но первоначальные записи сделаны довольно быстро.

— Тем лучше. Значит, у нас есть шанс увидеть, что они помнили до того, как начали вспоминать вместе.

Берест собрал пять первых листов.

— Мне нужны копии всех вариантов показаний. В хронологическом порядке. Не по людям.

— То есть?

— Сначала самые первые записи всех пятерых. Потом первые протоколы всех пятерых. Потом повторные. Я хочу видеть не только что менялось, но и когда.

— Это займёт время.

— У нас есть причина торопиться?

Гущин посмотрел на дверь.

— Убийца пока не задержан.

— Это причина работать быстро. Но не причина думать быстро.

Он встал.

— Теперь хочу ещё раз пройти по дому.

— Мы уже проходили.

— Тогда я смотрел комнаты. Теперь хочу посмотреть расстояния между людьми.

Они вышли в холл.

Берест остановился возле лестницы.

Отсюда была видна столовая. Часть гостиной. Дверь зимнего сада. Вход в бильярдную.

Он прошёл к столовой.

Вернулся.

Зашёл в бильярдную.

У большого окна стояло кресло. Снаружи виднелись мокрые деревья и дорожка к воротам.

— Павел был здесь?

— По его словам.

— Где именно?

— В позднем показании говорит, что возле окна.

Берест посмотрел на Гущина.

— А в первом?

Тот пролистал записи в планшете.

— Просто «в бильярдной».

— Вот так пока и оставим.

Игнат вышел обратно.

Поднялся на несколько ступеней.

Остановился.

Снова поднялся.

С верхней площадки часть бильярдной действительно была видна через открытую дверь.

Он задержался лишь на секунду и пошёл дальше.

Гущин следовал за ним.

— Что-нибудь заметили?

— Дом.

— Это я уже понял.

— Хороший результат для первого дня.

В кабинете Берест не задержался. Посмотрел на шкаф, где стояла фигурка, затем на письменный стол.

От шкафа до стола было два шага.

Если человек стоял возле кресла, ему даже не требовалось обходить комнату.

Игнат вернулся в коридор.

— Давайте представим самый простой вариант.

— Какой?

— Звягин сидит или стоит возле стола. Входит знакомый человек. Они разговаривают. Разговор становится неприятным. Гость берёт фигурку. Один удар. Потом забирает папку, если знает о ней, и уходит.

— Слишком просто.

— А что в фактах требует сложности?

Гущин задумался.

— Пока ничего.

— Вот и не будем добавлять.

Они спустились.

Внизу появился сотрудник с новой папкой.

— Лев Борисович, пришло предварительное уточнение по фигурке. Кровь Звягина. По форме основания эксперт считает соответствие повреждению вероятным, окончательно даст после полного исследования.

Гущин посмотрел на Береста.

— Переносим?

Игнат едва заметно улыбнулся.

— Пока наполовину. Пусть эксперты закончат работу.

Сотрудник ушёл.

Гущин покачал головой.

— Вам трудно угодить.

— Следствие вообще плохое место для желания кому-нибудь угодить.

Берест вернулся в маленькую комнату и снова сел за стол.

Перед ним лежали три колонки.

В первой уже было несколько строк.

Звягин убит одним ударом.

Следов проникновения постороннего пока не обнаружено.

На фигурке кровь Звягина.

На фигурке обнаружены микроволокна неизвестного про-

исхождения.

Во второй:

Фигурка — орудие убийства.

Убийца долго находился в кабинете.

Убийца искал папку.

Пятеро непрерывно контролировали друг друга.

В третьей:

Папка находилась в кабинете.

Пятеро описывают взаимные встречи.

После обнаружения тела они некоторое время находились вместе и обсуждали произошедшее.

Игнат перечитал.

Потом зачеркнул во второй колонке одну строку:

Убийца долго находился в кабинете.

Не потому, что она была опровергнута.

Потому что для неё не существовало никаких оснований.

Гущин стоял у окна.

— И что мы получили?

Берест повернул к нему лист.

— Пока только одну полезную вещь.

— Какую именно?

— Мы не знаем, сколько времени убийца отсутствовал среди остальных.

— Но знаем, что его должны были видеть.

— Вот это тоже пока не знаем.

Гущин вернулся к столу.

— Пять человек подтверждают присутствие друг друга.

— Они подтверждают отдельные встречи.

— Из этих встреч складывается вечер.

— Складывается. Вопрос только в том, кто его сложил.

Гущин хотел ответить, но промолчал.

Берест взял пять первоначальных показаний и положил рядом.

Пять человек вспоминали один вечер.

Никто не говорил, что непрерывно наблюдал за другим.

Никто не утверждал, что знает всю последовательность.

В первых показаниях было множество дыр, сомнений, приблизительных слов.

А через несколько часов появилась почти гладкая картина.

Игнат провёл пальцем по краю листа.

— Лев Борисович, когда получите все версии показаний, ничего в них не исправляйте. Даже грамматику.

— Настолько важно?

— Иногда «кажется» важнее отпечатка пальца.

Он посмотрел на схему алиби, оставленную на другом конце стола.

Ещё утром она казалась плотной сетью.

Теперь Берест видел в ней другое.

Не доказательство.

Рассказ.

И пока никто не проверил, кто именно его сочинил.

Он взял карандаш и написал на чистом листе:

КТО КОГО ВИДЕЛ?

Ниже добавил:

НЕ КОГДА. НЕ СКОЛЬКО. ТОЛЬКО — ВИДЕЛ.

Гущин прочитал через его плечо.

— И что это нам даст?

Берест закрыл папку.

— Возможно, ничего. Но если убийца действительно находился среди этих пятерых, у него была одна проблема: на несколько минут ему пришлось исчезнуть.

Он посмотрел в сторону лестницы.

— А наша проблема в том, что пока никто не заметил, кто именно исчезал.

ГЛАВА III

Дом

«Ты лучше голодай, чем что попало есть,

И лучше будь один, чем вместе с кем попало».

Омар Хайям

На третий круг по дому Берест не пошёл.

Он остановился в холле, посмотрел на лестницу и сказал Гущину:

— Комнаты я уже видел. Теперь мне нужно понять, как они соединены. Не по плану, а глазами человека, который вчера ходил здесь после ужина.

— Надеюсь, для этого нам не придётся снова открывать каждый шкаф.

— Только если кто-нибудь из ваших подозреваемых утверждает, что провёл вечер внутри него.

Они начали с бильярдной.

Большой стол занимал почти всю середину комнаты. Над ним висели три низких светильника под зелёными абажурами. У дальней стены стояли диван и стойка с киями. Широкое окно выходило в сад.

— Павел после ужина был здесь? — спросил Берест.

— По первому показанию, вышел из холла в бильярдную. Некоторое время оставался в комнате. Потом снова появился в общих помещениях.

— Почему пришёл сюда?

— Пытался поговорить по телефону. В холле связь была нестабильной.

— Получилось?

— Насколько понимаю, нет. Подробно его ещё будут спрашивать.

Берест кивнул.

Так было лучше.

Пока существовал только простой факт: Павел заходил в бильярдную. Где именно стоял, сколько времени провёл

внутри и что видел, предстояло выяснять отдельно.

Игнат прошёл к дальней части комнаты.

Отсюда лестница почти полностью исчезала за стеной. Из холла, напротив, вход в бильярдную просматривался хорошо.

Берест вышел и поднялся на второй этаж.

Гущин остался в комнате.

Игнат дошёл до двери кабинета Звягина и медленно пошёл обратно.

На подходе к лестничной площадке через открытую дверь бильярдной становилась видна дальняя часть комнаты. Человек, находившийся там, попадал в поле зрения раньше, чем сам мог увидеть идущего по верхнему коридору.

Берест задержался всего на несколько секунд.

— Что-нибудь интересное? — спросил Гущин снизу.

— Обычная геометрия.

— После двух дней с вами я начинаю подозревать, что обычной геометрии не существует.

Игнат спустился.

— Отметьте на плане только обзор из верхнего коридора в дальнюю часть бильярдной. Без фамилий.

— Зачем, если пока ничего не произошло?

— Именно поэтому. Если когда-нибудь понадобится, будем знать, что заметили это до того, как начали искать подтверждение нужной версии.

Гущин сделал пометку.

Берест больше к бильярдной не возвращался.
Пока она ничем не отличалась от остальных комнат дома.

...

В гостиной их ждал Максим Чернов.

Молодой следователь успел свести первые показания пяти свидетелей в таблицу.

— Здесь все перемещения после ухода Звягина, — сказал он. — Я расположил их в предполагаемой последовательности.

Берест просмотрел страницу.

— Хорошая работа.

Чернов заметно обрадовался.

— Спасибо.

— Поэтому отложим её.

Радость исчезла.

— Почему?

— Потому что вы уже сделали то, чего свидетели сделать не смогли. Создали последовательность.

— Но я использовал их показания.

— Именно. Один говорит: «Кажется, после этого видел Карташа». Другой — «в какой-то момент разговаривал с Ремезом». Вы находите этим воспоминаниям места, и постепенно появляется гладкий вечер, которого никто из них целиком не видел.

Чернов посмотрел на Гущина.

Тот усмехнулся.

— Не ищите поддержки. Я через это уже прошёл.
Берест подвинул Чернову чистый лист.

— Выпишите только встречи. Кто кого действительно помнит перед собой. Без времени, без «до» и «после», если человек сам в этом не уверен.

Чернов начал с Ирины.

Она помнила Ольгу Вершинину.

Павла в холле.

Ремеза.

Павел говорил о матери, Вершининой и Карташе.

Карташ — о Павле и Ремезе.

Ольга — об Ирине и Павле.

Ремез — о Карташе, Ирине и Павле.

Через несколько минут вместо цепочки перед ними лежала россыпь пересечений.

Гущин посмотрел на неё.

— Намного хуже.

— Намного честнее, — поправил Берест.

Чернов провёл пальцем между фамилиями.

— Но если взять поздние показания, почти все промежутки закрываются.

— Вот поздние показания и будут следующей задачей.

— Вы считаете, что кто-то подправил алиби?

— Пока я вижу только изменение степени уверенности.

Сначала люди говорят «кажется», «не помню», «в какой-то момент». Потом начинают говорить «сначала», «после это-

го», «именно тогда». Это не обязательно ложь.

— Они могли вспомнить.

— Конечно. Могли и обсудить между собой. Могли услышать чужую деталь и потом искренне включить её в собственное воспоминание. Поэтому сначала сохраняем первоначальную картину.

Берест взял карандаш.

— Представьте, Максим, что за день вы четыре раза встретили меня в разных местах. Что сможете утверждать вечером?

— Что четыре раза вас видел.

— А где я находился между встречами?

— Этого я знать не могу.

— Вот и вся проблема наших алиби.

Гущин посмотрел на лист.

— Частые появления создают ощущение постоянного присутствия.

— Именно ощущение. А нам нужны промежутки, которые можно подтвердить независимо.

Берест отложил карандаш.

— Никого пока не выделяем. Сначала проверим всех.

— С кого начнём? — спросил Гущин.

— С Ирины.

— Про её алиби?

— Про её мужа.

...

Ирина сидела в небольшой комнате на втором этаже.

Перед ней стоял чай, к которому она почти не притрагивалась.

Берест не стал доставать блокнот сразу.

— Я постараюсь не возвращать вас к моменту, когда вы нашли мужа. Мне сейчас важнее то, что происходило раньше.

Она посмотрела на него устало.

— Насколько раньше?

— Начнём с обычного дня. Во сколько Вадим Сергеевич встал?

Вопрос явно оказался не тем, которого она ожидала.

— Около семи. Он всегда вставал раньше меня.

— Завтракал дома?

— Обычно кофе и что-нибудь совсем небольшое. Вчера были сырники. Людмила приготовила.

— Хорошо ел?

Ирина впервые посмотрела на Береста с настоящим удивлением.

— Это имеет отношение к убийству?

— Возможно, никакого. Но мне нужно понять, был ли вчерашний день для него необычным ещё до приезда гостей.

Она подумала.

— Нет. За завтраком он выглядел нормально.

— Спешил?

— Скорее был задумчив. Несколько раз смотрел в теле-

фон, потом уехал.

— Куда?

— В Москву. Сказал, что у него несколько встреч.

— Вернулся когда?

— После обеда.

— Каким?

Ирина пожала плечами.

— Таким же. Может быть, более уставшим.

— Что-нибудь привёз?

Теперь она помедлила.

— Папку.

— Вы обратили на неё внимание?

— Только потому, что Вадим обычно носил документы в портфеле. А эту держал отдельно.

— Что сделал с ней?

— Поднялся наверх.

Берест достал блокнот.

— В кабинет?

— Думаю, да.

— Вы видели, как он туда вошёл?

Ирина посмотрела на него внимательнее.

— Нет. Только как поднялся по лестнице.

— Тогда так и оставим.

Она слегка усмехнулась.

— Вы всегда разговариваете подобным образом?

— Каким?

— Будто каждое слово может оказаться уликой.

— Чаще оно оказывается просто словом. Но заранее трудно угадать каким.

Берест сделал короткую запись.

— После возвращения муж занимался обычными делами?

— Почти. Несколько раз уходил в кабинет. Потом спустился проверить стол.

— Сам?

— Вот это как раз было необычно.

— Почему?

— Вадим никогда не проверял стол. Его совершенно не интересовало, какие салфетки положила Людмила и достаточно ли вина.

— А вчера заинтересовало?

— Он спросил, всё ли готово к семи.

— Нервничал?

— Я бы не сказала. Скорее хотел, чтобы всё прошло именно так, как он задумал.

Берест оставил эту фразу без комментария.

— Когда вы узнали полный состав гостей?

— За день или два.

— Все фамилии вас устроили?

Она посмотрела в чашку.

— Станный вопрос.

— Тогда скажем иначе. Был ли среди приглашённых человек, которого вы не ожидали увидеть в вашем доме?

— Денис Карташ.

— Почему?

— Он и Вадим много лет не общались.

— Поссорились?

— Там было сложнее.

Берест подождал.

Ирина продолжать не стала.

— Хорошо. К этому вернёмся позже. Александр Ремез вас удивил?

— Меньше. Они когда-то много работали вместе.

— Ольга Вершинина?

— Она работает с нашими финансовыми делами много лет.

— Павел, разумеется, вопросов не вызвал.

— Он наш сын.

— Получается, только Карташ выбивался из привычного круга.

Ирина провела пальцем по краю чашки.

— Если смотреть по отдельности — наверное. Но когда я увидела всех вместе, странной стала сама компания.

— Вы спрашивали мужа, зачем ему именно эти люди?

— Спросила ещё днём.

— Что он ответил?

— Что вечером пойму.

Берест чуть улыбнулся.

— Удобный ответ.

— Вадим любил такие ответы гораздо больше, чем я.

— Вы настаивали?

— Сказала, что если он устраивает семейный скандал, то мог хотя бы предупредить.

— Почему решили, что будет скандал?

— Павел с ним в последнее время постоянно спорил. Карташ вообще много лет не появлялся. Ольга нервничала ещё до ужина. Ремез был единственным, кто выглядел так, словно приехал на обычную встречу.

Берест запомнил, но записывать не стал.

— Что муж сказал про скандал?

— Что скандал его не интересует.

— А что интересует?

Ирина задумалась.

— Он сказал: «Нужно закончить одну старую историю».

Та же формулировка прозвучала за столом.

— Больше ничего?

— Тогда — ничего.

Берест сменил тему:

— Кто должен был оставаться в доме после ужина из персонала?

— Людмила и помощница.

— Они всегда остаются?

— Обычно до тех пор, пока гости не разойдутся или не разойдутся по комнатам.

— Вчера почему уехали?

— Вадим отпустил их.

— Когда вы об этом узнали?

— Ещё утром. Я удивилась, потому что тогда кофе, посуда и всё остальное оставалось на мне.

— Вы сказали ему?

— Конечно. Я спросила, зачем приглашать людей на ужин, а потом отпускать тех, кто этот ужин обслуживает.

— Он объяснил?

Ирина улыбнулась почти без веселья.

— Сказал: «Ира, переживём один кофе без Людмилы».

— И на этом разговор закончился?

— Не совсем. Я спросила, зачем вообще понадобилось освобождать дом.

Берест не перебивал.

— Вадим сказал, что после ужина будет разговор, при котором посторонние не нужны.

— Вы решили, что речь о делах?

— Я решила, что он опять придумал что-то слишком серьёзное для нормального человеческого разговора.

— Он назвал тех, кто должен остаться?

— Не по именам. Сказал: «Только мы и пятеро за столом».

Берест нахмурился.

— «Мы и пятеро»?

Ирина тоже нахмурилась, потом покачала головой.

— Нет, простите. Сейчас сама смешала. Он говорил обо всех нас за столом. Смысл был такой: после ужина в доме

должны остаться только те, кого он пригласил. Никого постороннего.

Берест ничего не записал.

Вот так воспоминания и становились красивее, чем были.

— Не пытайтесь восстановить дословно, — сказал он. —

Смысл мне понятен.

Ирина благодарно кивнула.

— Он хотел говорить только при нас.

— При всех пятерых гостях одновременно?

— Насколько я поняла — да. Поэтому и велел после кофе идти в кабинет.

— Вам казалось, что разговор касается всех одинаково?

Она долго думала.

— Скорее наоборот.

— Почему?

— Из-за того, как он смотрел за ужином.

Берест ждал.

— На каждого по-разному. На Павла — как отец, который собирается сказать неприятную вещь. На Ольгу — будто ждал объяснений. На Карташа... там вообще было что-то старое. Ремеза я понять не могла.

— А на вас?

Ирина впервые отвела глаза.

— Со мной он собирался поговорить отдельно.

Берест не изменил выражения лица.

— Когда?

— После общего разговора.

— О чём?

— Не знаю.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Игнат посмотрел на неё.

Ирина выдержала его взгляд.

Он не стал давить.

— Хорошо. Об этом поговорим в другой раз.

— Вы мне не верите?

— Я сейчас вообще не решаю, кому верить.

— Удобная позиция.

— Наоборот. Очень неудобная.

Он убрал блокнот.

— Последний вопрос. Когда муж ушёл наверх перед кофе, вы считали, что он просто ждёт вас в кабинете?

— Именно так.

— Вам не показалось странным, что он сначала захотел побыть один?

— Вадим часто перед серьёзным разговором уходил на несколько минут. Собирался с мыслями.

Берест поднялся.

— Спасибо. Пока этого достаточно.

У двери Ирина остановила его:

— Игнат Андреевич.

Он обернулся.

— Если вы действительно хотите понять, зачем Вадим со-

брал нас, не начинайте с того, что мы все хотели его смерти.

— Я с этого и не начинаю.

— Следователи уже начали.

— У них другая работа.

— А у вас?

Берест немного подумал.

— Понять, какой вопрос они задали слишком рано.

Он вышел.

...

Гущин ждал внизу.

— Узнали что-нибудь?

— Немного.

— По вашему лицу не скажешь.

— По моему лицу вообще редко что-нибудь полезное можно сказать.

Они прошли в маленькую комнату, где оставались материалы.

Берест открыл блокнот.

— Звягин привёз отдельную папку. Сам поднял её наверх. Это мы уже знали со слов Ирины, но теперь важно другое: вчерашний вечер он готовил заранее.

— В каком смысле?

— Проверял, всё ли готово к определённому часу. Сам распорядился отпустить прислугу. Хотел, чтобы после ужина посторонних в доме не было.

— Значит, собирался обсуждать конфиденциальные ве-

щи.

— Скорее всего.

— Ирина сказала какие?

— Только «старая история».

Гущин посмотрел на записи.

— «Северный квартал»?

— Возможно. Но пока не будем давать старой истории имя только потому, что оно нам уже встретилось.

— Вы считаете, все пятеро были приглашены из-за одного события?

Берест не ответил сразу.

Он вспомнил слова Ирины.

Павел.

Ольга.

Карташ.

Ремез.

Она сама.

Разные отношения со Звягиным. Разные причины нервничать. Разное прошлое.

И одна встреча, которую хозяин готовил заранее.

— Я думаю, он не собирал случайных людей.

— Это и так очевидно.

Игнат посмотрел на Гущина.

— Когда что-нибудь становится очевидным, мне обычно хочется проверить, из чего именно оно сделано.

Он открыл первые показания.

В рассказе Ирины нашлась короткая фраза, которую утром никто не выделил:

«Вадим сказал, что после кофе хочет закончить старый разговор сразу со всеми».

Берест перечитал её.

Потом посмотрел на список гостей.

Пять фамилий.

Пять человек, которые прежде почти никогда не собирались вместе.

И каждый пришёл после личного приглашения Звягина.

Игнат написал на чистой странице:

ПОЧЕМУ ИМЕННО ЭТИ ПЯТЕРО?

Подумал и ниже добавил:

ЧЕГО КАЖДЫЙ ИЗ НИХ БОЯЛСЯ УСЛЫШАТЬ?

Гущин прочитал.

— Считаете, среди них был человек, который заранее знал, что собирается сказать Звягин?

Берест закрыл блокнот.

— Пока не считаю.

Он посмотрел на пять фамилий.

— Но если такой человек был, вчера он приехал сюда уже с одной очень серьёзной причиной остановить этот разговор.

Берест поднялся.

— Поэтому завтра начнём не с алиби.

— С чего?

Игнат взял список гостей.

— Узнаем, зачем Звягин пригласил каждого из них.

Он дошёл до двери и остановился.

— А потом посмотрим, кто из пятерых больше всех боялся, что остальные услышат правду.

ГЛАВА IV

Семь минут

«От безбожья до Бога — мгновенье одно!

От нуля до итога — мгновенье одно».

Омар Хайям. Перевод Германа Плисецкого

Утром часы показывали без четверти восемь.

На самом деле было без двадцати двух.

Берест знал это и уже много лет ничего не исправлял. Старые механические часы с потёртым кожаным ремешком спешили примерно на семь минут. Иногда разница сокращалась, иногда прибавлялась ещё минута, но потом механизм словно вспоминал собственную привычку и возвращался к прежней погрешности.

Когда-то часы принадлежали отцу.

Тот несколько раз носил их часовщику. После каждого ремонта они неделю или две шли почти безупречно, а затем снова начинали понемногу убегать вперёд. Игнат однажды предложил купить новые.

Отец приложил часы к уху, послушал тихое тиканье и усмехнулся:

— Зачем? Я знаю, насколько они ошибаются. Когда знаешь чужой недостаток, с ним вполне можно жить.

Тогда Игнату эта фраза показалась обычной отцовской шуткой. Теперь часы носил он сам и тоже не видел причин что-либо менять.

Квартира ещё не успела окончательно прогреться после ночи. За окнами лежала серая, влажная Москва. Вчерашний дождь закончился, асфальт блестел, а на карнизах появилась тонкая грязноватая крупа — то ли первый снег, то ли вода, не успевшая решить, чем ей стать.

Игнат поставил кофе.

Папку Звягина он сознательно оставил в гостиной.

Завтрак и убийство Берест старался не смешивать. Не из особой брезгливости и не из принципа. Просто когда-то заметил, что человек, способный читать протокол вскрытия над яичницей, довольно быстро начинает считать это совершенно нормальным. Направление ему не понравилось.

Он разбил два яйца на сковороду, нарезал помидор, достал хлеб. На подоконнике стоял горшок с базиликом, который уже второй месяц последовательно отказывался окончательно умереть.

Берест потрогал землю и добавил немного воды.

— Я оценил твоё упорство, — сказал он. — Но результатов пока не вижу.

Базилик остался при своём мнении.

Телефон завибрировал.

Звонила Анна.

Берест ответил сразу.

— Доброе утро. Если разговор короткий, у тебя есть шанс застать меня человеком.

— А потом что произойдёт?

— Я позавтракаю и начну работать. После этого гарантий не даю.

— Тогда действительно надо торопиться. Ты в субботу свободен?

Игнат выключил огонь под сковородой.

— Пока да.

— Мне никогда не нравилось твоё «пока». После него обычно выясняется, что где-нибудь произошло что-нибудь ужасное и семейные планы снова отменяются.

— Ты несправедлива. Иногда ужасное происходит заранее, и я успеваю предупредить.

— Это должно меня утешить?

— Я старался.

Анна рассмеялась.

— Я хочу приехать часам к двум. Ты не против?

— Наоборот. Что приготовить?

— На твоё усмотрение. Только, возможно, готовить придётся не на двоих.

Берест переложил яичницу на тарелку.

— На троих я тоже умею.

— И ты даже не спросишь, кто со мной будет?

— Разумеется, мне интересно. Но если ты захочешь, сама расскажешь. А если не захочешь, вопрос всё равно ничего не изменит.

— Иногда мне кажется, что после ухода из Следственного комитета ты стал значительно хитрее.

— Просто теперь у меня больше времени подумать, прежде чем задавать вопрос.

— Вот именно этого я и боюсь. В субботу никаких допросов.

— Я собираюсь приготовить обед, а не проводить следственное действие.

— Ты способен превратить в следственное действие даже выбор вина.

— В вине я разбираюсь значительно хуже, чем тебе кажется. Поэтому твой спутник в безопасности.

— Я не говорила, что это мужчина.

Берест на секунду замолчал.

Анна рассмеялась первой.

— Попался.

— Вынужден признать.

— Вот и не расследуй раньше времени. В субботу в два.

— Буду ждать.

— И не звони в пятницу проверять, не передумала ли я.

— Постараюсь проявить выдержку.

— Это не обещание.

— Зато его легче выполнить.

Они попросились.

Игнат положил телефон рядом с чашкой. Он действительно не собирался выяснять, кого Анна приведёт в субботу. Если дочь сочтёт нужным — расскажет сама.

Этому простому правилу он научился гораздо позже, чем следовало.

Он успел сделать несколько глотков кофе, когда телефон зазвонил снова.

На экране высветилось имя Марины.

Берест посмотрел на часы, потом на чашку и ответил:

— Доброе утро. Неожиданно.

— Почему неожиданно? Я звоню людям значительно чаще, чем тебе кажется.

Голос у неё был спокойный, чуть насмешливый. Где-то на заднем плане хлопнула дверь, послышались шаги.

— Тогда мне придётся признать, что дело во мне.

— Это уже неплохое начало разговора.

Игнат откинулся на спинку стула.

— Ты уже на работе?

— Почти. Через двадцать минут у меня совещание, потом лаборатория, потом аспирант, который третий день пытается доказать мне, что отрицательный результат эксперимента — это тоже прекрасный результат.

— Иногда так и есть.

— Я знаю. Но гораздо приятнее слышать это от человека, которому не надо защищать диссертацию.

Берест улыбнулся.

Ему нравилось, что Марина никогда не начинала разговор с вопроса о его работе. И ещё больше нравилось, что её собственный день существовал совершенно независимо от того, занят он или свободен.

— Ты позвонила обсудить чужую диссертацию?

— Нет. Я решила проверить, помнишь ли ты ещё о существовании людей, с которыми можно встречаться без протоколов, показаний и выяснения, кто из них врёт.

— Слышал о таких. Но сведения пока не подтверждены.

— Вот поэтому я и звоню. В четверг у меня всё закончится слишком поздно. В пятницу после семи я свободна.

— Тогда пятница.

— Как решительно.

— Я умею принимать решения.

— Не сомневаюсь. Менястораживает другое: ты произнёс это так, словно только что закрыл вопрос на совещании.

Берест помолчал.

— Хорошо. Попробую иначе. Марина, я хочу пригласить тебя в пятницу на ужин.

На другом конце стало тихо, но всего на мгновение.

— Уже лучше.

— Значит, согласна?

— Я сказала «лучше». Не приписывай свидетелю показа-

ний, которых он не давал.

Берест рассмеялся.

— Это профессиональная месть?

— Нет. Просто за несколько встреч с тобой я кое-чему научилась.

— Опасная тенденция.

— Для кого именно?

— Пока не установлено.

Марина тоже рассмеялась.

В трубке слышались голоса, потом кто-то окликнул её. Она коротко ответила и снова вернулась к разговору.

— Мне пора. Если я опоздаю, люди, которые изучают человеческий мозг, начнут обсуждать мою неспособность пользоваться часами.

Берест машинально посмотрел на свои.

— Я бы не стал доверять людям, которые судят о человеке по часам.

— Почему?

— Мои, например, уже много лет врут мне примерно на семь минут.

— И ты их не исправляешь?

— Нет.

— Конечно.

В её голосе появилась та особая интонация, которая означала, что Марина обнаружила в нём очередную странность и пока не решила, нравится она ей или нет.

— Что значит «конечно»?

— Игнат, ты человек, который профессионально ищет неточности в чужих словах и при этом добровольно носит неточные часы. По-моему, это слишком хорошо, чтобы быть случайностью.

— Мы с ними давно договорились. Они врут мне одинаково. С людьми сложнее.

Марина несколько секунд молчала.

— Вот эту фразу я запомню.

— Не советую. Потом я могу утверждать, что говорил другое.

— Со мной это будет трудно.

— Почему?

— Потому что я занимаюсь памятью. Я хотя бы знаю, насколько плохо она работает.

— Это нечестное преимущество.

— Привыкай. Итак, пятница после семи. Место выбираешь ты.

— Есть пожелания?

— Одно. Чтобы там можно было разговаривать. В прошлый раз музыка была такой громкой, что половину твоих умных мыслей мне пришлось додумывать самой.

— Возможно, поэтому они и показались умными.

— Не исключено. До пятницы, Игнат.

— До пятницы, Марина.

Она отключилась.

Берест ещё несколько секунд держал телефон в руке.

Разговор занял совсем немного времени, но кухня почему-то уже не казалась такой пустой, как пять минут назад.

Он положил телефон рядом с чашкой.

Экраном вверх.

Потом посмотрел на часы.

Семь минут.

Фраза Марины неожиданно осталась в памяти: она хотя бы знает, насколько плохо работает память.

Берест усмехнулся.

Пока это не имело никакого отношения к делу Звягина.

И он предпочёл, чтобы так и оставалось.

Он закончил завтрак, вымыл посуду и только после этого принёс из гостиной папку.

На последней странице блокнота оставались две строки, написанные вчера в загородном доме:

ПОЧЕМУ ИМЕННО ЭТИ ПЯТЕРО?

ЧЕГО КАЖДЫЙ ИЗ НИХ БОЯЛСЯ УСЛЫШАТЬ?

Берест перечитал второй вопрос и нахмурился.

Потом зачеркнул его.

Формулировка была плохой. Не потому, что страх не имел значения. Наоборот. Но вопрос уже содержал готовое предположение: каждый из пятерых чего-то боялся.

Возможно, так и было.

А возможно, он просто слишком быстро решил, что знает это.

Берест написал ниже:

ЧТО ЗВЯГИН СОБИРАЛСЯ СКАЗАТЬ КАЖДОМУ?

Так было лучше.

Сначала следовало понять намерения погибшего. Потом — реакцию живых.

Телефон снова зазвонил.

На этот раз Гущин.

— Доброе утро, Лев Борисович. У вас есть привычка начинать работать до девяти или она появилась специально для этого дела?

— После знакомства с вами я вообще перестал понимать, когда начинается рабочий день. Но звоню не ради жалоб. Мы проверили прислугу. Людмила подтверждает слова Ирины: Звягин заранее распорядился, чтобы после горячего обе женщины уехали.

Берест взял ручку.

— Он объяснил причину?

— Сказал, что дальше будет частный разговор. Людмила поняла это так, что посторонних в доме быть не должно.

— Вот теперь правильно.

— Что именно правильно?

— Вы разделили слова Звягина и то, как их поняла Людмила.

Гущин усмехнулся.

— Быстро учусь.

— Опасное качество для следователя.

— Есть ещё секретарь. Последние несколько дней Звягин поднимал старые документы. Просил принести несколько архивных коробок.

— Какие именно?

— Пока не установили. Но я уже слышу, как вы запрещаете мне произносить «Северный квартал».

— Не запрещаю. Просто пока это будут ваши слова, а не факт.

— Иногда мне кажется, что вы получаете от этого удовольствие.

— Исключительно профессиональное.

— Хорошо. Когда будете?

Берест посмотрел на часы.

— Примерно через час.

— По вашим часам?

— Нет. Мои имеют собственное мнение о времени.

Гущин рассмеялся.

— Тогда постарайтесь не опоздать на семь минут.

После разговора Игнат закрыл папку.

До выезда оставалось достаточно времени, чтобы не торопиться.

Он прошёл в гостиную. Книжные шкафы занимали две стены. История, биографии, художественная литература. На отдельной полке рядом стояли несколько изданий Омара Хайяма. Со стороны они могли показаться почти одинаковыми, но Берест именно поэтому и держал их вместе.

Он достал один томик.

Одни и те же рубайи в разных переводах иногда звучали так, словно принадлежали разным людям. В одном человек сомневался, в другом почти утверждал. Насмешка превращалась в горечь, горечь — в примирение, а уверенность появлялась там, где в соседнем переводе оставался вопрос.

Берест полистал книгу.

На полях возле одного четверостишия его собственным карандашом было написано:

Не доказано.

Он уже не помнил, с чем именно тогда спорил.

Это его вполне устраивало.

Игнат вернул книгу на место и включил старый проигрыватель. Музыка заполнила комнату негромко, не требуя внимания.

Он сел у окна.

Снег за стеклом стал гуще, но по-прежнему таял, едва касаясь мокрых подоконников и асфальта. Москва ещё не была готова к зиме и сопротивлялась ей привычной грязью.

Несколько минут Бересту действительно удавалось не думать о Звягине.

Потом взгляд случайно упал на часы.

Семь минут.

Он снял их и положил на ладонь.

Погрешность была известна.

Если часы показывали десять, Игнат знал, что настоящее

время немного другое. Ему не требовалось вычислять разницу до секунды. Достаточно было помнить главное: циферблат ошибается.

Именно поэтому часы его не обманывали.

В деле Звягина происходило нечто обратное.

Первые показания были неточными — и именно поэтому казались естественными.

Ирина помнила, что после ужина ненадолго уходила. Павел говорил, что какое-то время находился в бильярдной. Карташ вспоминал разговор в гостиной. Вершинина — встречу в коридоре. Ремез — людей, которых видел в разных частях дома.

Никто не считал минут.

Никто не запоминал последовательность специально.

До того момента, когда Ирина открыла дверь кабинета, вечер оставался для них обычным вечером. А обычные вечера человек не хранит в памяти как протокол.

Потом появилась смерть.

И вместе с ней возникла потребность восстановить порядок.

Кто был раньше, кто появился позже, кого встретили, кто куда пошёл, после кого вернулся.

Береста беспокоило не отсутствие точного времени.

Его беспокоила точность, появившаяся позже.

Из расплывчатых воспоминаний постепенно складывался стройный вечер, в котором каждое событие получало своё

место. «Кажется» превращалось в «наверное», а затем — в «точно».

Он снова посмотрел на часы.

Вот какое отношение семь минут имели к делу Звягина.

Не семь минут требовались убийце.

Не семи минут недоставало в чьём-то алиби.

Само число вообще ничего не значило.

Значение имела известная погрешность.

Его часы ошибались, но Берест знал об этом и потому мог учитывать ошибку.

Память свидетеля тоже могла ошибаться.

Только человек редко знает, на сколько минут, на какое слово или на какое событие ошиблась его память.

И потому продолжает ей верить.

Телефон зазвонил прежде, чем Берест успел выключить проигрыватель.

Сафронов.

— Надеюсь, я не помешал чему-нибудь важному?

— Я слушал музыку.

— Значит, помешал. Но у меня есть оправдание. Я сам поговорил с секретарём Звягина.

Игнат выключил проигрыватель и вернулся к столу.

— Тогда оправдание принимается. Что она вспомнила?

— В день перед ужином Звягин отменил две встречи, одну перенёс и сам обзвонил гостей. Павла, Вершинину, Карташа и Ремеза. С Ириной, понятно, говорил дома.

— Секретарь слышала разговоры?

— Частично. И тут есть одна вещь, которую лучше проверить. Карташу Звягин сказал что-то о старом вопросе, который пора закрыть. Вершининой — что ему понадобятся её объяснения. Павлу велел обязательно приехать. Но она сама признаёт, что где-то помнит слова, а где-то уже передаёт смысл.

— Хорошо, что признаёт.

— С Ремезом интереснее. Сам разговор она почти не слышала, только конец. Звягин сказал: «Значит, договорились. Буду ждать». Ничего особенного. Но сразу после звонка она вошла к нему с бумагами. Он несколько секунд смотрел на телефон, потом сказал: «Посмотрим, приедет ли Александр».

Берест перестал писать.

— После того как только что договорился, что тот приедет?

— Именно поэтому она и запомнила. А потом Звягин добавил: «Если приедет, значит, понял».

Несколько секунд Берест молчал.

— Она уверена именно в этой фразе?

— Говорит, что уверена. Ей тогда показалось странным, поэтому и осталось в памяти.

— Но самого разговора она не слышала.

— Только конец.

— Значит, пока у нас есть странная фраза без контекста.

— Игнат, человек говорит о Ремезе: «Если придет, значит, понял». По-моему, это уже немного больше, чем просто фраза без контекста.

— Именно так начинаются хорошие версии, Глеб Аркадьевич.

— А ты хорошие версии не любишь?

— Люблю. Поэтому стараюсь держать их подальше от фактов, пока они не заслужат обратного.

Сафронов рассмеялся.

— Иногда мне кажется, что ты специально разговариваешь так, чтобы человеку хотелось с тобой спорить.

— Это полезно. Когда спорят, точнее формулируют.

— Хорошо. Что предлагаешь?

— Пусть секретарь ещё раз восстановит весь день. Только не начинайте с Ремеза и не напоминайте ей эту фразу. Если она сама повторит её в том же месте и в том же контексте, будет интереснее.

— Думаешь, может не повторить?

— Не знаю. Поэтому и надо проверить.

Сафронов ненадолго замолчал.

— Но о Ремезе ты теперь всё равно думаешь.

— Разумеется.

— Тогда почему не радуешься?

Берест посмотрел на пять фамилий в блокноте.

— Потому что мы нашли вопрос. До ответа ещё далеко.

После разговора он остался за столом.

За окном снег становился плотнее. На крышах припаркованных машин уже держались белые пятна, хотя дорога по-прежнему оставалась чёрной.

Берест перевернул страницу.

Написал пять фамилий:

Ирина.

Павел.

Вершинина.

Карташ.

Ремез.

Рядом с последней не поставил ни стрелки, ни вопросительного знака.

Вместо этого написал:

ЧТО ЗВЯГИН СКАЗАЛ КАЖДОМУ ДО УЖИНА?

Ниже появились короткие пометки.

Карташ — старый вопрос.

Вершинина — объяснения.

Павел — обязательно приехать.

Ремез — неизвестно.

Он задержал ручку над последней строкой.

Секретарь могла не слышать начала разговора.

Звягин мог подробно объяснить Ремезу причину приглашения ещё до того, как она оказалась рядом.

Фраза «Если приедет, значит, понял» могла относиться к давнему спору, деловой истории, личному разговору — к чему угодно.

Берест заставил себя перечислить эти возможности именно сейчас, пока одна версия не успела понравиться ему больше остальных.

Потом вернулся к первому вопросу:

ПОЧЕМУ ИМЕННО ЭТИ ПЯТЕРО?

Вчера в доме Звягина он смотрел на пятерых прежде всего как на возможных убийц.

Теперь это казалось преждевременным.

До убийства они были пятью людьми, которых сам Звягин решил собрать за одним столом.

Ирина — жена.

Павел — сын.

Вершинина — человек, связанный с его финансовыми делами.

Карташ — человек из прошлого, имевший основания ненавидеть его.

Ремез — давний партнёр.

Состав ужина выглядел странно, пока его считали обычным приглашением.

Но Звягин не собирал друзей.

Он собирал людей, которым хотел что-то сказать после кофе, причём заранее позаботился, чтобы прислуги в доме уже не было.

Значит, начинать следовало не с вопроса, кто из них хотел убить Звягина.

Начинать следовало с самого Звягина.

Берест медленно провёл линию под фамилиями и написал:

КТО ЗНАЛ ДО ПРИЕЗДА, ЧТО ИМЕННО ЗВЯГИН СОБИРАЕТСЯ ЗАКОНЧИТЬ?

Он перечитал вопрос.

Теперь тот был поставлен правильно.

Он не обвинял Ремеза.

Не превращал воспоминание секретаря в доказательство.

Не утверждал даже, что все пятеро были связаны одним событием.

Но вопрос уже можно было проверять.

А проверяемый вопрос стоил десятка красивых версий.

Берест закрыл блокнот, надел пальто и задержался у двери.

На руке снова были часы, которые спешили на семь минут.

Эту ошибку он знал.

Поэтому она не могла заставить его поверить в неправильное время.

В показаниях пятерых гостей тоже существовала ошибка. Возможно, всего одна.

Но там было хуже.

Никто пока не знал, где она находится.

Когда Берест вышел во двор, мокрый снег уже ложился на плечи пальто и не сразу таял. Он сел в машину, завёл двигатель и несколько секунд ждал, пока тёплый воздух очистит

запотевшее стекло.

Перед ним была обычная московская улица: медленный поток машин, прохожие под зонтами, белая каша вдоль бордюра.

Игнат включил передачу.

И снова слышал в памяти слова секретаря:

«Если приедет, значит, понял».

Фраза была слишком удобной.

Именно поэтому доверять ей пока не следовало.

Сначала надо было установить, что Звягин сказал остальным. Потом — что сказал Ремезу. И только после этого решать, было ли вообще что-то, что Александр Ремез должен был понять.

Берест выехал со двора.

Через несколько минут вопрос всё ещё оставался с ним.

Четверым Звягин хотя бы обозначил причину, по которой хотел видеть их за своим столом.

Ремезу, возможно, объяснять её не понадобилось.

Если это действительно было так, оставалось выяснить одно:

что именно Александр Ремез знал ещё до того, как приехал в дом, где через несколько часов убили Вадима Звягина?

ГЛАВА V

Ирина

«Ты видел мир, но всё, что видел ты, — ничто.

Всё то, что говорил и слышал ты, — ничто».

Омар Хайям

К дому Звягина Берест приехал, когда мокрый снег окончательно превратился в дождь.

Белые пятна, ещё утром державшиеся на крышах машин, исчезли. Дорога блестела, по краям газона стояла вода, а голые ветви яблонь за оградой казались почти чёрными. Дом выглядел иначе, чем вчера. Не потому, что в нём что-то изменилось, — просто теперь здесь не было суеты первых часов после убийства.

У ворот дежурила машина.

В холле пахло влажной одеждой и кофе.

Гущин встретил Береста возле лестницы. Пиджак он снял, галстук ослабил и выглядел человеком, который уже успел прожить половину рабочего дня.

— Вы всё-таки приехали вовремя.

— Не доверяйте внешнему впечатлению. Мои часы утверждают обратное.

— Я уже понял, что с вашими часами лучше не спорить. Есть новости.

Берест снял пальто и повесил его на свободный крючок.

— Хорошие?

— Для следствия — да. Для семейного спокойствия Звягиных не очень.

Они прошли в небольшую комнату на первом этаже, где временно устроился Гушин. На столе лежали папки, ноутбук, несколько пластиковых пакетов с опечатанными документами.

Гушин закрыл дверь.

— Мы получили подтверждение, что примерно месяц назад Звягин начал менять завещание.

Берест сел напротив.

— Начал или изменил?

— Пока начал. Новый вариант готовил его нотариус. Подписать окончательно не успел.

— Что менялось?

— Существенная часть имущества, которая раньше переходила Ирине, должна была уйти в отдельную структуру. Что-то вроде фонда. Детали ещё уточняем. Павлу тоже доставалось меньше, чем по прежнему варианту.

Берест некоторое время молчал.

— Кто об этом знал?

— Нотариус. Звягин. И, судя по всему, Ирина.

— Почему «судя по всему»?

Гушин придвинул к нему лист.

— Потому что вчера она сказала Чернову, что ничего о новом завещании не слышала.

Берест прочитал несколько строк.

Вопрос был задан прямо.

Известно ли вам о намерении мужа изменить завещание?

Ответ:

Нет. Вадим не обсуждал со мной такие вопросы.

Он вернул лист.

— А откуда известно, что слышала?

— Нотариус утверждает: Звягин говорил ему, что уже сообщил жене. Кроме того, нашли переписку. Не электронную — записку самого Звягина. Чернов обнаружил её в ящике стола в спальне. Там написано: «Ира, мы всё равно должны закончить разговор о завещании. Не хочу снова откладывать».

— Дата?

— Неделя назад.

— Она могла не получить записку?

— Теоретически.

— Значит, пока у нас не ложь, а противоречие.

Гущин посмотрел на него с лёгкой усмешкой.

— Я уже начинаю заранее слышать ваши ответы.

— Это плохо. Скоро перестанете задавать вопросы.

— Не дождётесь. Ирина сейчас наверху. Я хотел поговорить с ней ещё раз.

— Тогда поговорите.

— Вместе.

Берест покачал головой.

— Начните вы.

— Почему?

— Потому что дело ведёте вы. А я послушаю.

Гущин задержал на нём взгляд, потом кивнул.

— Хорошо. Только если услышите что-нибудь интересное, не сидите с таким видом, будто вам всё давно известно.

— У меня есть такой вид?

— Постоянно.

— Надо будет спросить у дочери.

Ирина ждала в небольшой гостиной второго этажа.

Вчера Берест видел её почти сразу после обнаружения тела — бледную, собранную каким-то последним усилием, словно любое лишнее движение могло разрушить то немногое, что ещё держало её на ногах.

Сегодня она выглядела иначе.

На ней были тёмные брюки и серый свитер. Волосы собраны. На столе стояла чашка нетронутого чая.

Увидев вошедших, Ирина поднялась.

— Нашли что-нибудь?

Гущин предложил ей сесть.

— Мы продолжаем проверять всё, что происходило в последние недели жизни вашего мужа. Поэтому некоторые вопросы придётся повторить.

— Я уже отвечала.

— Знаю. Но сейчас у нас появились новые сведения.

Она посмотрела сначала на Гущина, потом на Береста.

— Какие?

Берест ничего не сказал.

Гущин сел напротив.

— Вадим Сергеевич собирался изменить завещание.

Ирина не вздрогнула.

Не отвела взгляд.

Только пальцы, лежавшие на коленях, медленно сомкнулись.

— Мне об этом ничего не известно.

Гущин не торопился.

— Вчера вы сказали то же самое.

— Потому что это правда.

— Мы разговаривали с нотариусом вашего мужа.

Теперь она посмотрела в сторону окна.

— Вадим мог обсуждать с нотариусом что угодно.

— Мог. Но он утверждал, что уже говорил об изменениях с вами.

— Значит, нотариус ошибается.

Гущин достал прозрачный пакет с запиской и положил на стол.

Ирина увидела почерк мужа.

На этот раз перемена была заметнее.

Она не потянулась к записке.

— Где вы это нашли?

— В спальне. В ящике письменного стола.

— Значит, вы обыскали наши вещи.

— Был проведён осмотр в установленном порядке.

Она отвернулась.

За окном дождь стекал по стеклу длинными прозрачными

полосами.

Гущин выдержал паузу.

— Ирина Викторовна, нам важно понять не только то, что вы знали, но и почему вчера решили сказать обратное.

— Я ничего не решила.

— Тогда объясните записку.

— Вадим постоянно что-нибудь писал. Оставлял бумаги, напоминания, записки. Это ничего не доказывает.

Берест впервые вмешался:

— Конечно.

Ирина повернулась к нему.

Вероятно, она ожидала другого.

— Что «конечно»?

— Записка действительно не доказывает, что разговор состоялся.

Гущин бросил на него быстрый взгляд, но промолчал.

Берест продолжил спокойно:

— Она доказывает только то, что ваш муж считал разговор о завещании незавершённым. Это не одно и то же.

Ирина немного расслабила пальцы.

— Вот именно.

— Поэтому я хотел бы спросить не о завещании.

Она насторожилась снова.

— А о чём?

— О том дне, когда он оставил записку.

— Я не помню.

— Не надо вспоминать записку. Вспомните день.

Берест откинулся на спинку кресла.

— Где вы завтракали?

Гущин едва заметно повернул голову.

Ирина тоже явно не ожидала вопроса.

— Здесь. Дома.

— Вместе?

— Да.

— Вадим Сергеевич обычно завтракал дома?

— Если не уезжал рано.

— В тот день торопился?

Она задумалась.

— Нет. Кажется, нет.

— Читал что-нибудь?

— Газеты. Он всегда просматривал новости за завтраком.

— Вы разговаривали?

— Наверное.

— О чём?

Ирина нахмурилась.

— Господин Берест, прошла неделя. Я не могу вспомнить каждый разговор за завтраком.

— И не нужно. Если не помните — так и оставим.

Он не записывал.

Это, кажется, беспокоило её больше, чем блокнот Гущина.

— После завтрака муж уехал?

— Да. В Москву.

— А вы?

— Осталась здесь. Потом ездила в салон, заезжала к сестре.

— Вечером он вернулся?

— Около семи.

— В каком был настроении?

Ирина пожала плечами.

— Обычном.

Берест посмотрел на неё.

— Это удобное слово.

— Что вы хотите от меня услышать?

— Ничего определённого. Поэтому и спрашиваю.

Она взяла чашку, но пить не стала.

— Он был раздражён.

— На вас?

— Сначала я не понимала.

— А потом?

Ирина поставила чашку обратно.

— Он спросил, почему я не ответила нотариусу.

Гущин слегка подался вперёд.

Берест остался неподвижен.

— Вы знали, что нотариус вам звонил? — спросил он.

— Знала.

— Значит, разговор о завещании всё-таки был.

Она посмотрела прямо на него.

— Да.

В комнате стало слышно, как дождь ударяет по наружному подоконнику.

Гущин ничего не сказал.

Берест тоже не торопился.

Ирина провела ладонью по краю чашки.

— Вы довольны?

— Нет.

— Но я солгала.

— Да.

— Разве вы не этого добивались?

— Я хотел понять, почему.

Она усмехнулась без веселья.

— Какая разница? Для вас ведь теперь всё просто. Муж хотел оставить жене меньше денег. Жена об этом знала. Мужа убили. Очень удобно.

— Именно поэтому мне и не нравится.

Ирина подняла глаза.

— Не понимаю.

— Удобная версия слишком быстро отвечает на вопрос, который мы ещё толком не задали.

Гущин посмотрел на Береста, но на этот раз не вмешался.

— Почему вы сказали, что ничего не знали? — продолжил Игнат. — Не почему вы были недовольны решением мужа. Это понятно. Почему после его смерти решили скрыть сам разговор?

Ирина долго молчала.

Потом встала и подошла к окну.

За стеклом виднелся мокрый сад. На тёмной земле ещё оставались редкие белые островки утреннего снега.

— Потому что я знала, как это будет выглядеть.

— Как?

— Именно так, как выглядит сейчас.

Она повернулась.

— Вадим собирался изменить завещание. Я была против. Мы поссорились. Через неделю его убили. Если я скажу вам всё это сразу, что вы подумаете?

Гущин ответил раньше Береста:

— То, что обязаны подумать следователи.

— Вот видите.

Берест посмотрел на неё.

— А что именно вы боялись потерять?

— Простите?

— Вы сказали, что были против. Почему?

— Потому что это наша жизнь. Наше имущество. То, что мы создавали больше двадцати лет.

— Вместе?

Вопрос прозвучал спокойно, но Ирина сразу его услышала.

— Да, вместе.

— Тогда почему имущество юридически принадлежало в основном мужу?

Гущин слегка нахмурился, но Ирина ответила:

— Потому что бизнесом занимался Вадим. Недвижимость покупалась на разные структуры, доли оформлялись так, как советовали юристы. Я никогда не считала, что должна каждый раз проверять, на кого записан очередной актив.

— До разговора о завещании.

— До разговора о завещании.

Она вернулась к креслу.

— Он хотел создать фонд. Передать туда часть имущества и капитал. Говорил, что денег нам всё равно хватит.

— Вам и Павлу?

— Да.

— Вы были с этим не согласны.

— Я сказала, что он распоряжается не только своей жизнью. Павел вложился в проект, который сейчас в тяжёлом положении. У него долги. Я считала, что сначала надо помочь сыну.

— А Вадим Сергеевич?

— Отказался.

— Почему?

На этот раз ответ последовал не сразу.

— Он сказал, что уже один раз заплатил слишком дорого за чужую жадность и больше этого делать не будет.

Берест поднял взгляд.

— Именно так?

Ирина задумалась.

— Не дословно. Что-то близкое.

— Тогда не будем делать из этого цитату. Вы поняли смысл именно так?

— Да.

— О чьей жадности он говорил?

— Я решила, что о Павле.

— Решили или знали?

Она раздражённо посмотрела на него.

— Я не спрашивала.

— Почему?

— Потому что мы уже кричали друг на друга.

Берест впервые взял ручку.

Записал несколько слов.

Ирина заметила.

— Что там?

— То, чего вы не спросили.

— И это важно?

— Пока не знаю.

Гущин вмешался:

— Когда произошла эта ссора?

— В тот вечер. Примерно неделю назад.

— После неё вы ещё обсуждали завещание?

— Нет. Вадим пытался. Я не хотела.

— В день убийства?

Ирина помедлила.

— Да.

Берест положил ручку.

Вот теперь они подошли к тому, что вчера она оставила за пределами разговора.

— Когда?

— До ужина. Незадолго до приезда остальных.

— Что он сказал?

— Что после разговора со всеми мы поговорим отдельно.

— О завещании?

— Я решила, что о нём.

— А он произнёс это слово?

Ирина закрыла глаза, вспоминая.

— Нет.

— Что именно он сказал?

— Что вечером многое станет понятнее. А потом нам надо будет закончить наш разговор.

Берест посмотрел на Гущина.

Тот ничего не записывал. Просто слушал.

— Как он это сказал? — спросил Игнат.

— Спокойно. В этом и была проблема.

— Почему?

Ирина медленно выдохнула.

— Когда Вадим кричал, с ним можно было спорить. Когда говорил таким голосом, он уже всё решил.

— Вы решили, что он окончательно изменит завещание.

— Да.

— И после его смерти скрыли это, потому что понимали,

какой мотив получите в глазах следствия.

— Именно.

Берест некоторое время смотрел на неё.

— Вчера вы сказали, что не знаете, о чём муж хотел говорить с вами после общего разговора.

— Я не знала наверняка.

— Но предполагали.

— Да.

— И решили не сообщать даже предположение.

Ирина отвела взгляд.

— Вы сейчас хотите, чтобы я призналась ещё в одной лжи?

— Нет. Я хочу, чтобы мы правильно её назвали.

Она снова посмотрела на него.

— И как же?

Берест закрыл блокнот.

— Вы скрыли не факт убийства. Вы скрыли обстоятельство, которое, как вам казалось, сделает вас подозреваемой.

— Большая разница?

— Иногда огромная.

Гущин нахмурился.

— Игнат...

— Я не говорю, что это её оправдывает, Лев Борисович. Я говорю, что ложь сама по себе не отвечает на вопрос о виновности.

Он повернулся к Ирине.

— Ложь говорит не о виновности. Она говорит о том, чего человек боится.

Ирина устало улыбнулась.

— Красиво.

— Не особенно. Просто полезно.

— И чего, по-вашему, боюсь я?

— Что после смерти мужа ваша ссора из-за денег станет объяснением всего остального.

Она ничего не ответила.

Берест встал.

Разговор можно было заканчивать.

У двери Ирина окликнула его:

— Игнат...

Он обернулся.

Впервые она назвала его по имени.

— Есть ещё кое-что. Вчера я об этом не сказала. Тогда мне казалось, что это не имеет отношения к случившемуся.

Берест не вернулся в кресло, но и к двери больше не двигался.

— Расскажите сейчас. Отношение будем определять потом.

Ирина сидела, глядя на свои руки.

— В последние дни Вадим несколько раз открывал сейф в кабинете.

— В этом было что-то необычное?

— Само по себе — нет. Он хранил там документы, день-

ги, какие-то бумаги по недвижимости. Но примерно неделю назад я вошла к нему и увидела на столе старую папку. Толстую, тёмную, с потёртыми углами. Не такую, какими он пользовался обычно.

Берест вспомнил слова Павла. Тот тоже говорил о толстой папке, которую видел в кабинете незадолго до убийства.

— Вы раньше её видели?

— Не помню. Возможно, когда-то. У Вадима было огромное количество старых документов.

— Что он делал с ней?

— Читал. Там лежали бумаги, некоторые совсем старые. Один лист был сложен в несколько раз. Когда я вошла, Вадим закрыл папку.

— Именно закрыл?

Ирина задумалась.

— Да. Но не так, будто хотел что-то от меня спрятать. Скорее закончил читать.

— Вы спросили, что это?

— Спросила.

Берест ждал.

Ирина посмотрела на него.

— Он сказал: «Старые долги иногда приходится платить дважды».

Гущин, до этого молчавший, слегка повернул голову.

Берест спросил:

— Вы уверены в формулировке?

— Почти. Эту фразу я запомнила.

— Почему?

— Потому что спросила, кому он задолжал.

— Что ответил Вадим Сергеевич?

— «Не я».

Берест нахмурился.

— Именно так?

— Да. Я тоже не поняла и переспросила. Тогда он сказал:

«Потом, Ира. Скоро всё равно придётся рассказать».

Несколько секунд никто не говорил.

— Когда это было? — спросил Берест.

— За несколько дней до ужина. Может быть, за четыре.

Может, за пять. Точно не скажу.

— И не надо.

— Тогда я решила, что это связано с завещанием. После нашей ссоры мне всё казалось связанным с завещанием.

— А сейчас?

Ирина покачала головой.

— Сейчас я уже ничего не понимаю.

Берест подошёл к окну.

Внизу темнел мокрый сад. Снег окончательно исчез, только у дальнего забора ещё лежала узкая белая полоска.

— В день убийства вы видели эту папку?

— Нет.

— В кабинете после того, как нашли мужа?

— Я смотрела на Вадима, а не на бумаги.

В её голосе впервые появилась резкость, и Берест сразу отступил.

— Конечно.

Он помолчал, потом спросил уже иначе:

— До ужина муж что-нибудь носил с собой? Бумаги, папку?

— Я не заметила.

— А когда вернулся из Москвы?

Ирина задумалась.

— Кажется, у него что-то было.

Берест не пошевелился.

— Что именно?

— Я не уверена.

— Тогда не вспоминайте сильнее, чем помните.

Она посмотрела на него с недоумением.

— Что?

— Не пытайтесь сейчас дорисовать картину. Вы сказали, что, кажется, что-то было. На этом и остановимся.

Ирина медленно кивнула.

— Хорошо.

Берест закрыл блокнот.

— Если вспомните само — без попытки восстановить специально, скажете Гущину.

— Скажу.

Они вышли в коридор.

Гущин закрыл дверь и несколько шагов прошёл молча.

— Завещание, ссора, деньги, ложь, — произнёс он наконец. — Если бы мне сегодня пришлось выбирать самого удобного подозреваемого, я бы начал с неё.

— Именно поэтому не надо выбирать.

— Вы ей верите?

Берест остановился у лестницы.

С верхней площадки был виден кусок холла. Через открытую дверь бильярдной угадывалась дальняя часть комнаты. Вчера они уже смотрели на этот угол, но сейчас Игнат лишь скользнул по нему взглядом.

— В чём именно?

— Что она скрыла завещание только потому, что боялась стать подозреваемой.

— Не знаю. Но для её лжи уже существует объяснение, которому убийство не требуется.

Гущин нахмурился.

— Слишком аккуратно.

— Зато пока честно.

Они начали спускаться.

— А папка? — спросил Гущин.

— Вот она мне нравится меньше.

— Почему?

— Потому что о ней независимо говорят уже двое.

Гущин остановился на ступень ниже.

— Павел и Ирина.

— Да. Павел видел толстую папку в кабинете. Ирина ви-

дела старую папку за несколько дней до убийства. Мы пока даже не знаем, одна ли это папка.

— Но из кабинета после убийства папка пропала.

Берест посмотрел на него.

— Осторожнее. Мы знаем, что Павел видел папку до смерти отца и потом не увидел её среди изъятых бумаг. Это ещё не то же самое, что доказанное «убийца забрал папку».

— Опять предположение.

— Пока да.

Гущин усмехнулся.

— Когда-нибудь вы начнёте брать деньги за каждое произнесённое слово «предположение».

— Тогда наконец разбогатею.

Внизу их встретил Чернов. В руках у него было несколько распечатанных листов.

— Лев Борисович, пришёл ответ по звонкам Звягина за последние две недели.

Гущин взял бумаги.

— Что-нибудь интересное?

— Много всего. Но я отметил разговоры с теми, кто был на ужине.

Берест подошёл ближе.

Напротив пяти фамилий стояли даты.

С женой и сыном Звягин разговаривал постоянно. Вершининой звонил несколько раз по работе. Карташу — дважды за последнюю неделю.

Ремезу — один раз.

Накануне ужина.

Берест задержал взгляд на строке, но ничего не сказал.

Гущин заметил это.

— Та самая фраза секретаря?

— Возможно.

— «Если приедет, значит, понял».

— Именно поэтому я не хочу начинать с неё.

Берест взял лист и посмотрел на остальные звонки.

— Нам нужно другое.

— Что?

— Узнать, что Звягин делал в последние две недели. Не только кому звонил. Куда ездил, с кем встречался, какие документы запрашивал. Он готовил этот ужин заранее.

— Из-за папки?

— Мы пока не знаем, из-за чего.

Берест вернул распечатку.

— Но если человек достаёт старые бумаги, звонит людям, которых давно не собирал за одним столом, отпускает прислугу и обещает после кофе закончить старую историю, значит, искать надо не только среди последних событий его жизни.

Гущин задумался.

— Насколько далеко назад?

Берест вспомнил слова Ирины.

Старые долги иногда приходится платить дважды.

— Пока не знаю.

Он уже направился к выходу, когда остановился.

— Лев Борисович, папку пока никому из пятерых не называйте.

— Почему?

— Павел о ней уже говорил. Ирина — тоже. Остальные пока нет.

Гущин понял сразу.

— Хотите посмотреть, кто упомянет её сам?

— Не только.

Берест взял пальто.

— Я хочу узнать, кто вообще знал, что она существует.

Он застегнул пальто и посмотрел через стеклянную дверь на мокрый двор.

Утром вопрос звучал иначе: что Звягин собирался сказать каждому из пятерых?

Теперь к нему прибавился второй.

Звягин достал старые бумаги за несколько дней до смерти. После убийства одной из папок, возможно, не оказалось среди документов.

Если эти две вещи были связаны, убийца пришёл в кабинет не просто к человеку.

Он мог прийти за тем, что лежало у него на столе.

И тогда главным становился уже не вопрос, кто хотел смерти Вадима Звягина.

А другой: кто из пятерых заранее знал, что именно Звягин

достал из прошлого?

ГЛАВА VI

Павел

«Не оплакивай, смертный, вчерашних потерь,

Дел сегодняшних завтрашней меркой не мерь».

Омар Хайям

Павел Звягин жил на Пресне, в доме, который изо всех сил старался выглядеть старше, чем был на самом деле.

Кирпичный фасад, тёмное дерево в подъезде, латунные номера квартир, тяжёлые двери. Только стеклянный лифт и электронная панель возле входа выдавали возраст здания.

Берест приехал вместе с Гущиным.

Дождь закончился, но Москва оставалась мокрой. По низкому небу быстро шли серые облака, и в лужах отражались окна домов. Ветер гонял вдоль тротуара последние жёлтые листья.

В лифте Гушин посмотрел на часы.

— На этот раз ваши показывают правильно?

— Они всегда показывают правильно.

— Вы вчера утверждали обратное.

— Они показывают то, что должны показывать. Просто это не совпадает с московским временем.

— Удобная философия.

— Для часов — вполне.

Гущин покачал головой.

— Иногда я понимаю вашу бывшую жену, хотя никогда её не видел.

Берест посмотрел на него.

— Вы быстро продвигаетесь по опасной территории, Лев Борисович.

— Я следователь. Работа такая.

Двери открылись.

Павел ждал их.

Он был похож на отца меньше, чем показалось Бересту в загородном доме. Там, за ужином и потом среди следователей, сходство создавали жесты: одинаковая манера слегка откидывать голову, когда слушаешь, одинаковое движение рукой перед возражением.

Сейчас сходство исчезло.

Павел выглядел моложе своих тридцати одного года и одновременно значительно более уставшим. Небритый, в тёмной футболке и домашних брюках. На столе в гостиной стояли две пустые кофейные чашки, хотя был ещё только полдень.

— Проходите.

Квартира была дорогой, но необжитой. Большие окна, светлые стены, минимум мебели. На полу возле дивана лежала коробка с какими-то бумагами.

Павел заметил взгляд Береста.

— Я разбираю документы.

— Соболезнования ещё раз, — сказал Гущин.

— Спасибо.

Он предложил им кофе.

Гущин отказался.

Берест тоже.

— Тогда давайте сразу, — сказал Павел. — Я всё равно понимаю, зачем вы пришли.

Он сел напротив.

Гущин достал блокнот.

— И зачем?

— Из-за денег.

— Почему вы так решили?

Павел усмехнулся.

— Потому что вчера вы спрашивали про отношения с отцом, сегодня утром звонили из банка, а час назад мой бухгалтер сообщил, что у него запросили документы компании. Надо быть совсем идиотом, чтобы не сложить два и два.

Берест снял пальто и положил его рядом.

— А что получается?

Павел посмотрел на него.

— Что у меня проблемы.

— Это мы уже знаем.

— Тогда зачем спрашиваете?

— Интересно, как вы сами их называете.

Павел несколько секунд изучал его лицо.

— Долги.

— Большие?

— Достаточно.

— Это не сумма.

— Около сорока миллионов.

Гущин поднял глаза.

Вчера Павел говорил о «временных трудностях бизнеса».

— Рублей? — уточнил он.

— Пока ещё да.

— «Пока»?

— Не цепляйтесь к словам. Просто неудачно сказал.

Берест промолчал.

Павел заметил это.

— Вы сейчас специально ничего не говорите?

— Да.

— Почему?

— Вы сами попросили не цепляться к словам. Я стараюсь.

Павел впервые улыбнулся.

Совсем немного.

— Теперь понимаю, почему отец не любил следователей.

— Я больше не следователь.

— Это заметно?

— Иногда.

Гущин вернул разговор к делу.

— Сорок миллионов — ваши личные долги?

— Долги компании. Но я поручитель по части кредитов.

— Компания занимается чем?

— Девелопментом. Небольшие проекты, реконструкция, коммерческие помещения. Два года всё шло нормально. Потом один объект завис, по второму подрядчик сорвал сроки. Деньги закончились раньше, чем проблемы.

— Вы просили отца помочь?

Павел отвернулся к окну.

— Да.

— Когда последний раз?

— Недели две назад.

— Он отказал.

— Отказал.

— Почему?

— Потому что считал, что я должен сам отвечать за свои решения.

Гущин перелистнул страницу.

— Ваша мать говорит, что он отказался довольно жёстко.

Павел посмотрел на него.

— Мать много чего говорит.

— Например?

— Это неважно.

Берест вмешался:

— Вы сейчас защищаете мать или отца?

Павел нахмурился.

— Никого.

— Тогда кого?

— Себя, наверное.

Берест кивнул.

— Это понятнее.

Гущин отложил ручку.

— Павел Вадимович, нам всё равно придётся восстано-
вить ваши финансовые отношения с отцом. Лучше, если
часть информации мы получим от вас.

— Получайте. Я просил у него денег. Он отказал. Мы по-
ссорились. Я сказал несколько вещей, которые сейчас пред-
почёл бы не говорить. Он ответил примерно тем же.

— Вы угрожали ему?

Павел поднял глаза.

— Нет.

— Говорили, что пожалеет?

— Нет.

— Что он вам обязан?

— Да.

— Почему?

Павел встал.

Прошёл к окну, потом вернулся.

Берест заметил, что тот не умеет сидеть спокойно, когда
разговор касается отца.

— Потому что он всю жизнь повторял, что всё делает ради
семьи. А когда семье действительно понадобилась помощь,
выяснилось, что у него появились принципы.

— Какие?

— Не спасать взрослого сына от собственных ошибок.

— Звучит разумно.

Павел резко посмотрел на Береста.

— Со стороны всё звучит разумно.

— Обычно да.

— У вас есть дети?

— Дочь.

— И если она придёт к вам с проблемой?

— Сначала выясню, какая проблема.

— А потом?

— Не знаю. Она ещё не пришла.

Павел хотел что-то сказать, но передумал.

Сел обратно.

— Отец мог помочь, даже не заметив этих денег. Для него сорок миллионов не были катастрофой.

— Для вас были.

— Да.

Гущин снова взял ручку.

— Вы знали об изменении завещания?

Павел замер.

Всего на мгновение.

— Какого завещания?

— Вашего отца.

— Нет.

Берест смотрел на него.

Павел выдержал взгляд.

— Мать сказала?

— Мы задаём вопрос вам, — ответил Гущин.

— Я ничего не знал.

— Отец не говорил, что собирается уменьшить вашу долю?

— Нет.

— Что часть имущества может уйти в фонд?

Павел покачал головой.

— Впервые слышу.

Берест спросил:

— А если бы знали?

— Что?

— Что отец собирается оставить вам меньше, чем вы рассчитывали. Это что-нибудь изменило бы?

Павел усмехнулся.

— В чём? В том, убил бы я его или нет?

Гущин нахмурился.

— Никто этого не сказал.

— Но все об этом думают.

Берест ответил спокойно:

— Я пока думаю о другом.

— О чём?

— Почему вы вошли в кабинет отца до ужина.

Павел перестал улыбаться.

Гущин не повернул головы, но Берест увидел, как его

пальцы остановились над блокнотом.

Несколько секунд никто не говорил.

— Я не входил, — произнёс Павел.

— Вчера вы сказали то же самое.

— Потому что это правда.

Берест посмотрел на него.

— Тогда у нас проблема.

— Какая?

— Ваши отпечатки нашли внутри верхнего ящика письменного стола.

Павел медленно выдохнул.

— Я заходил туда.

Гущин не изменил позы.

— Когда?

— До ужина. Я приехал раньше остальных.

Берест открыл папку с первыми показаниями.

— Тогда давайте сразу разберём одно противоречие. Вот ваш первый рассказ, записанный в ночь убийства.

Он не стал читать весь абзац, только нашёл нужное место.

— Вы сказали, что после приезда находились внизу, сначала в гостиной, потом в столовой, и до начала ужина наверх не поднимались.

Павел смотрел на лист.

— Значит, соврал.

— Да. Но сейчас важнее понять, почему именно об этом.

— Я уже сказал. Понимал, как будет выглядеть.

— Пока не сказали, что делали в кабинете.

Павел поднялся, прошёл к кухонной стойке, налил воды.

— Искал одну бумагу.

— Какую? — спросил Гущин.

Павел долго не отвечал.

Берест наблюдал за ним.

— Если вы сейчас решаете, как назвать эту бумагу, лучше не торопитесь.

Павел резко поставил стакан.

— Я не придумываю.

— Тогда почему молчите?

— Потому что это унизительно.

Берест кивнул.

— Это уже похоже на причину.

Павел вернулся к креслу.

— Расписку. Мою расписку отцу.

Гущин поднял глаза.

— О долге?

— Да.

— На какую сумму?

— Пятнадцать миллионов.

— Вы только что рассказывали, что отец отказался дать вам деньги.

— Отказался в этот раз. Полгода назад дал пятнадцать миллионов и заставил написать расписку. Сказал, что больше спасать меня не будет.

Берест спокойно заметил:

— То есть вчера вы скрыли не одну неприятную подроб-
ность. Вы скрыли целую часть ваших финансовых отноше-
ний с отцом.

— Да.

— Почему?

— Потому что сорок миллионов долгов звучат плохо. Со-
рок миллионов долгов плюс пятнадцать миллионов, которые
я уже взял у отца, звучат ещё хуже.

— А если добавить возможное изменение завещания?

Павел посмотрел на него.

— Я о нём не знал.

— Это мы проверим отдельно.

Гущин спросил:

— Зачем вам понадобилась расписка именно в день ужи-
на?

Павел потёр ладонью лицо.

— Отец позвонил утром и сказал, чтобы я обязательно
приехал. Я спросил зачем. Он ответил что-то о старых дол-
гах, с которыми пора разобраться. После нашей последней
ссоры я решил, что речь обо мне.

Берест сразу уточнил:

— Вы помните слова или смысл?

— Скорее смысл.

— Тогда так и оставим.

— Я подумал, что он собирается предъявить расписку.

Может быть, матери. Может быть, ещё кому-то. Не знаю.

— И решили забрать её раньше.

— Да.

— Без разрешения отца.

— Да.

Гущин спросил:

— То есть фактически украсть документ?

Павел поморщился.

— Если хотите назвать это так — называйте.

— А как называете вы?

— Моей распиской.

Берест впервые за несколько минут улыбнулся.

— Вот поэтому слова иногда полезны. Для вашего отца это была расписка должника. Для вас — собственная бумага, которую хотелось вернуть.

— Вы собираетесь читать мне лекцию?

— Нет. Пытаюсь понять, что вы тогда себе разрешили.

Павел нахмурился.

— В каком смысле?

— Человек редко говорит себе: «Сейчас я совершу кражу». Обычно он находит более удобное объяснение. «Заберу своё». «Верну бумагу». «Отец всё равно не станет ничего делать». Мне важно понимать, какое объяснение было у вас.

Павел посмотрел на него уже без раздражения.

— Наверное, именно такое. Я хотел забрать свою расписку.

— Хорошо. Вы поднялись наверх. Отец был где?

— Внизу.

— Вы это знали?

— Да.

— Дверь кабинета?

— Не заперта.

— Что сделали сначала?

— Подошёл к столу.

— Сразу открыли ящик?

Павел помедлил.

— Нет.

Берест заметил паузу.

— Что было до этого?

— На столе лежала папка.

Гущин положил ручку.

— Та самая тёмная папка, о которой вы уже упоминали?

Павел кивнул.

— Толстая. Старая. Потёртая по краям.

— В первом показании вы о ней не сказали, — заметил

Берест.

— Я вообще не сказал, что был в кабинете.

— Именно. Поэтому сейчас нам приходится отделять то, что вы действительно вспоминаете, от того, что могли до-
строить позже. Папка лежала где?

— Справа от лампы.

— Открытая?

— Нет.

— Вы её открыли.

Павел посмотрел на него.

— Да.

— Почему?

— Искал расписку.

— То есть вы допускали, что отец мог положить её туда.

— Конечно.

— Что увидели?

— Бумаги.

— Какие?

— Не знаю. Старые договоры, копии, выписки. Я пролистал несколько листов.

— Насколько внимательно?

— Недостаточно, чтобы сейчас назвать хоть одну фамилию.

Берест не стал подсказывать ему ни «Северный квартал», ни какое-либо другое название.

— Расписки не было?

— Нет.

— После этого?

— Закрыв папку и полез в ящик.

— В какой?

— Верхний.

— Там ваши отпечатки и обнаружили.

— Значит, всё сходится.

Берест посмотрел на него.

— Не спешите радоваться. Пока сходится только то, что вы действительно открывали ящик. Причина, по которой вы это делали, существует лишь в вашем рассказе.

Павел опустил взгляд.

— Справедливо.

— Расписку нашли?

— Нет.

— Проверили другие ящики?

— Второй. Потом понял, что отец может вернуться, и ушёл.

— Папка осталась на столе?

— Да.

Ответ прозвучал сразу.

Берест не записал его.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— Почему именно здесь такая уверенность?

Павел нахмурился.

— Потому что я её положил обратно.

— Вы говорили, что закрыли её.

— Закрыл и положил.

— Она до этого была не на столе?

Павел замолчал.

Берест тоже.

Несколько секунд спустя Павел произнёс:

— Нет. Была на столе.

— Тогда зачем понадобилось класть её обратно?

Павел раздражённо провёл рукой по волосам.

— Я неправильно выразился. Открыл, посмотрел, закрыл.

Она всё время лежала там.

Берест кивнул.

— Вот теперь лучше. Не потому, что второй вариант обязательно правдивее. Просто он точнее соответствует тому, что вы действительно помните.

Гущин спросил:

— Вы ничего из папки не брали?

— Нет.

— Ни одного листа?

— Нет.

— Саму папку?

Павел резко посмотрел на него.

— Я только что сказал: она осталась на столе.

— А мы нашли кабинет после убийства без неё, — сказал

Гущин.

Павел замер.

Берест повернулся к Гущину.

Это была именно та формулировка, которой он хотел избежать.

— Лев Борисович, пока осторожнее.

— Почему? Двое уже говорят об одной и той же папке.

Среди изъятого её нет.

— Это позволяет сказать, что мы её пока не нашли. Не больше.

Павел переводил взгляд с одного на другого.

— Подождите. Как это — не нашли?

Берест посмотрел на него.

— Папки, которую описываете вы и ваша мать, среди документов кабинета сейчас нет.

— Мать тоже её видела?

— Да.

— Когда?

— Несколько дней назад.

Павел медленно сел.

— Значит, её забрали.

— Возможно.

— Что значит «возможно»? Если она была там, а теперь её нет...

— Между этими двумя событиями прошло время. Ваш отец мог сам её убрать. Мог передать кому-нибудь. Мог перенести в другое место. Мы пока этого не знаем.

Павел молчал.

Потом спросил:

— Вы думаете, её взял убийца?

— Я думаю, что это одна из версий.

— А вы думаете, что её взял я?

Вопрос прозвучал иначе.

Без прежней раздражённости.

Берест заметил страх.

— А вот это уже интереснее.

— Что именно?

— Вы сами связали исчезновение папки с собой раньше, чем я это сделал.

Павел побледнел.

— Потому что я был в кабинете.

— Именно.

Берест снова открыл первое показание.

— И вот теперь ваша вчерашняя ложь выглядит серьёзнее. До этого мы могли сказать: Павел Звягин тайно вошёл в кабинет отца, чтобы найти долговую расписку, испугался, что это станет известно, и поэтому соврал. Неприятно, но логично.

Он положил палец на лист.

— Теперь появляется ещё одно обстоятельство. Вы были одним из последних известных нам людей, кто видел папку в кабинете до убийства. Вы открывали её. Вы искали документы. А в первом показании скрыли сам факт своего присутствия там.

Павел несколько секунд молчал.

— Я не брал её.

— Хорошо.

— Вы мне не верите.

— Сейчас вопрос не в вере.

— А в чём?

— В проверке.

Берест закрыл папку.

— Если найдём вашу расписку там, где отец обычно хранил личные бумаги, это подтвердит часть вашего рассказа. Если установим, куда после вашего ухода делась старая папка, проверим другую часть. Пока обе существуют только с ваших слов.

— Но мать её видела.

— Мать подтверждает существование папки несколькими днями раньше. Она не подтверждает, что после вашего посещения папка осталась на столе.

Павел понял.

На этот раз по-настоящему.

— То есть последним её видел я.

— Последним из тех, о ком нам сейчас известно.

— И я соврал, что вообще заходил в кабинет.

— Да.

Павел отвернулся.

За окном ветер прижал мокрый лист к стеклу. Тот несколько секунд держался, потом медленно сполз вниз.

— Отлично, — сказал Павел. — Просто отлично.

Берест не стал его успокаивать.

Иногда человеку было полезно услышать собственную ситуацию без смягчающих слов.

Через некоторое время он спросил:

— После того как вышли из кабинета, куда пошли?

— Вниз.

— Кого встретили?

— Не помню.

— В первом показании вы сказали, что почти всё время до ужина были внизу.

Павел усмехнулся.

— Теперь вы знаете, чего стоит эта часть показаний.

— Нет. Мы знаем только, что одна её часть ложная. Остальное надо проверять отдельно.

— Вы всегда так разделяете?

— Стараюсь.

— Зачем?

— Потому что человек, совравший в одном, не обязан лгать во всём. Иначе расследование становится слишком простым. А простые расследования обычно дорого обходятся.

После ужина, по словам Павла, он некоторое время находился в гостиной, затем вышел в холл, видел Карташа и позже ушёл в бильярдную.

Берест попросил рассказать это ещё раз, но не повторять вчерашнюю последовательность.

— Просто вспомните комнату.

Павел закрыл глаза на несколько секунд.

— Я вошёл в бильярдную. Свет там был включён только возле стола. Потом подошёл к окну.

Берест не пошевелился.

— Зачем?

— Не знаю. Хотел позвонить, потом передумал. На улице шёл дождь. Я стоял и смотрел.

— Кого-нибудь видели?

— Нет.

— Лестницу?

Павел открыл глаза.

— Из того места её почти не видно.

— Хорошо.

— Почему вы спросили?

— Проверяю расположение комнат.

Это было правдой.

И пока её было достаточно.

В одном из первых показаний Ремеза уже существовала фраза о том, что Павел, кажется, стоял у окна в бильярдной. Берест её помнил.

Но сейчас не стал доставать лист.

Не спросил, говорил ли Павел кому-нибудь про окно.

Не спросил, видел ли там Ремеза.

Для этого было рано.

Сначала следовало установить порядок первых разговоров после обнаружения тела. Кто что успел рассказать до того, как появились письменные показания. И только потом решать, имеет ли эта деталь хоть какое-нибудь значение.

— Кто вошёл в бильярдную после вас? — спросил Берест.

— Карташ. Мы немного поговорили.

— О чём?

— Отец. Ужин. В основном ни о чём.

— Карташ видел вас у окна?

— Не знаю. Когда он вошёл, я, кажется, уже отошёл.

— Оставим «кажется».

Павел устало кивнул.

Разговор закончился через несколько минут.

У двери он снова спросил:

— Если найдёте папку, это что-нибудь изменит?

Берест надел пальто.

— Смотря где найдём.

— А если у меня?

Гущин посмотрел на него.

Берест задержался.

— Есть причина, по которой мы можем найти её у вас?

— Нет.

— Тогда зачем спросили?

Павел усмехнулся, но получилось плохо.

— Потому что теперь я уже понимаю, как всё выглядит.

— Это полезно. Только не начинайте из-за этого придумывать объяснения заранее.

— Вы считаете, я способен подбросить себе папку?

— Я считаю, что испуганные люди иногда делают вещи хуже тех, которых испугались.

Павел открыл дверь.

— У меня её нет.

— Хорошо.

— И расписку я тоже не нашёл.

Берест остановился уже на пороге.

— А вот её мы поищем.

На улице Гуцин некоторое время молчал.

Они дошли до машины. Ветер усилился, и Берест поднял воротник пальто.

— Теперь он мне нравится значительно больше, — сказал Гуцин.

— Как человек?

— Как подозреваемый.

— Это я понял.

— Долги. Ссора. Отец отказывает. Павел тайно лезет в кабинет. Ищет финансовый документ. Находит другую папку. Потом отца убивают, папки нет, а Павел рассказывает, что вообще наверх не поднимался.

— Хорошая последовательность.

— Вы сейчас опять скажете, что слишком хорошая?

— Нет. Сейчас скажу, что её надо проверять.

Гуцин открыл машину, но не сел.

— С чего?

Берест загнул один палец.

— Найти расписку.

Второй.

— Установить, видел ли кто-нибудь старую папку после того, как Павел вышел из кабинета.

Третий.

— Проверить, мог ли Звягин сам куда-нибудь её перенести.

— А если не мог?

— Тогда круг сузится.

— До Павла?

— До людей, имевших возможность попасть в кабинет после него.

Гущин посмотрел на дом.

— В том числе убийцы.

— Возможно.

— Или Павел забрал её ещё до ужина.

Берест кивнул.

— Именно поэтому его первое показание теперь важно вдвойне. Он скрыл не просто посещение кабинета. Он скрыл своё последнее известное нам соприкосновение с предметом, который после убийства мы не можем найти.

Они сели в машину.

Берест не заводил двигатель.

Он открыл блокнот.

Написал:

ПАВЕЛ — ДОЛГ.

Ниже:

РАСПИСКА — НАЙТИ.

Ещё ниже:

ПАПКА — ВИДЕЛ. ОТКРЫВАЛ. УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО

ОСТАВИЛ.

Последнюю фразу он подчеркнул один раз.

Не потому, что считал её ложью.

Потому что пока это были только слова Павла.

Гущин посмотрел через его плечо.

— Что дальше?

Берест закрыл блокнот.

— Дальше найдите мне человека, который видел эту папку после Павла.

— А если такого человека нет?

Берест наконец завёл двигатель.

— Тогда у нас впервые появится не просто пропавший предмет.

Он посмотрел на мокрое лобовое стекло.

— Появится человек, который солгал о том, что был последним возле него.

И это было уже значительно хуже, чем долг в пятнадцать миллионов.

ГЛАВА VII

Мокрый снег

«Коль можешь — не тужи о времени бегущем,

Не отравляй души ни прошлым, ни грядущим».

Омар Хайям

К вечеру снег снова пошёл.

Не тот лёгкий и сухой, который остаётся на крышах и делает город тише, а московский ноябрьский — тяжёлый, мокрый, почти дождь. Он летел косо, лип к пальто, таял на волосах и через несколько минут превращал тротуары в серую кашу.

Берест приехал раньше.

Ресторан находился в переулке недалеко от Патриарших — небольшой, без вывески на полфасада и без человека у входа, который считал своим долгом немедленно узнать постоянного гостя. Игнат выбрал его прежде всего потому, что музыка здесь звучала негромко.

В прошлый раз Марина действительно половину вечера наклонялась через стол, чтобы расслышать его.

Он тогда решил, что это не худший недостаток ресторана.

Сегодня решил не проверять теорию второй раз.

Стол был возле окна. Игнат сел так, чтобы видеть зал.

Официант принёс воду и меню.

Берест посмотрел на часы.

До семи оставалось пять минут.

По его часам — двенадцать.

Он улыбнулся.

Марина появилась через три минуты.

На ней было длинное тёмное пальто, на плечах уже растаяли снежинки. Волосы она собрала небрежно, несколько прядей намокли и прилипли к вискам.

Она остановилась возле стола и посмотрела сначала на него, потом на свободный стул.

— Я надеялась хотя бы однажды застать тебя опоздавшим.

Берест поднялся.

— Ты пришла раньше.

— На две минуты.

— По моим часам — на девять.

— Значит, технически я опоздала.

— Очень.

Он помог ей снять пальто.

Марина села и огляделась.

— Музыку слышно.

— Но разговаривать можно.

— Уже достижение.

— Я старался.

Она посмотрела на него внимательнее.

— Ты действительно старался?

— Не разрушай хороший вечер подозрениями.

— Это говоришь ты?

— Сегодня у меня выходной.

— Не верю.

— Правильно.

Марина рассмеялась и взяла меню.

— Тогда хотя бы сделаем вид.

Некоторое время они выбирали еду.

Берест заказал мясо.

Марина посмотрела на него поверх меню.

— Предсказуемо.

— Почему?

— Потому что в прошлый раз ты тоже заказал мясо.

— Два наблюдения — ещё не статистика.

— Для некоторых научных статей почти достаточно.

— Теперь я начинаю бояться за нейробиологию.

— Поздно. Она как-нибудь переживёт.

Марина выбрала рыбу и закрыла меню.

Официант ушёл.

За окном снег становился плотнее. Люди шли под зонтами, хотя зонт от такого снега почти не помогал. Машины медленно ползли по переулку, размазывая фарами воду по асфальту.

Несколько секунд они просто смотрели наружу.

— Люблю такой снег, — сказала Марина.

— Этот?

— Именно этот.

— Он мокрый, грязный и через час превратится в лёд.

— Вот поэтому.

Берест повернулся к ней.

— Очень убедительно.

— Нормальный снег слишком старается быть красивым.

А этот никому ничего не обещает.

— Ты сейчас говоришь о погоде?

Марина улыбнулась.

— Уже не уверена.

Принесли вино.

Берест попробовал и кивнул официанту.

Марина наблюдала за ним.

— Ты ведь всё равно не понимаешь разницу между этим и бутылкой в три раза дешевле.

— Понимаю.

— Какую?

— Это стоит в три раза дороже.

— Наконец честный ответ.

— Я вообще честный человек.

— Вот это уже требует доказательств.

Она сделала глоток.

— Хорошее.

— Видишь.

— Я не сказала, что в три раза лучше.

— Не порть мне экономическую теорию.

Марина поставила бокал.

— Как Анна?

Вопрос прозвучал естественно, без той осторожности, которую люди иногда проявляли, спрашивая о его семье.

— Приедет завтра.

— Одна?

Берест посмотрел на неё.

Марина сразу улыбнулась.

— Что?

— Ничего.

— Нет, скажи.

— Сегодня утром она задала мне примерно такой же вопрос наоборот.

— И?

— И я решил не выяснять, кого она приведёт.

— Очень на тебя не похоже.

— Анна утверждает то же самое.

— Значит, девочка хорошо тебя знает.

— Ей двадцать.

— Для отца это ничего не меняет.

— С её точки зрения меняет всё.

— Естественно.

Марина отпила ещё вина.

— И кого она приведёт?

— Не знаю.

— Правда не знаешь?

— Правда.

— И не попытался выяснить?

— Нет.

— Игнат, я начинаю волноваться. Может быть, у тебя температура?

Он протянул руку к бокалу.

— Я стараюсь не задавать вопросы, на которые человек пока не хочет отвечать.

— В работе тоже?

— Там хуже получается.

— Потому что платят именно за вопросы?

— Иногда потому, что молчание обходится слишком дорого.

Она немного помолчала.

— А с Анной?

— С Анной у меня нет права требовать ответ только потому, что я умею его получать.

Марина посмотрела на него уже без улыбки.

— Это хорошее правило.

— Поздно выученное.

— Большинство хороших правил выучены поздно.

— Ты сейчас как учёный говоришь?

— Как человек, которому иногда тоже приходится звонить матери.

Берест усмехнулся.

— У вас сложные отношения?

— Нет. Именно поэтому сложные.

Он рассмеялся.

Марина продолжила:

— Мама считает, что если у нас хорошие отношения, то я обязана рассказывать ей всё. Где была, что ела, почему устала, кто звонил, с кем ужинаю.

— И ты рассказываешь?

— Разумеется.

— Всё?

— Разумеется, нет.

— Тогда ты лжёшь матери.

— Нет. Я дозирую информацию.

— Очень научный термин.

— В моей профессии всё неприятное можно назвать красиво.

Официант принёс закуски.

На некоторое время разговор ушёл в сторону — книги, работа, городской шум, новый фильм, который Марина посмотрела и теперь пыталась убедить Игната, что два часа медленного кино иногда полезнее двадцати минут хорошего детектива.

— В хорошем детективе хотя бы кто-нибудь отвечает за потраченное время, — сказал Берест.

— В жизни тоже далеко не всегда есть развязка.

— Поэтому люди и читают детективы.

— Чтобы хотя бы где-то получить ответ?

— Чтобы хотя бы где-то автор не сказал в конце: «Каждый решает сам».

Марина засмеялась.

— Я знала, что ты ненавидишь открытые финалы.

— Я ненавижу, когда отсутствие ответа продают как глупину.

— А если ответа действительно нет?

— Тогда это другое.

— Какая разница?

Берест задумался.

— Если автор честно говорит: «Я не знаю», я могу это принять. Если он знает, но заставляет читателя придумывать концовку вместо него — это лень.

— Сурово.

— Я сегодня мягкий.

— Боюсь представить тебя в плохом настроении.

Принесли горячее.

Они некоторое время ели молча.

Молчание не было неловким.

Берест заметил это ещё в прошлую встречу. С некоторыми людьми тишина между фразами требовала немедленно чем-то её заполнить. С Мариной — нет.

Она могла смотреть в окно.

Он мог спокойно есть.

И никто не чувствовал себя обязанным спасти разговор. Марина первой нарушила молчание.

— Я сегодня опять рассказывала студентам, почему память не похожа на запись камеры.

Берест поднял взгляд.

— И они поверили?

— Нет.

— Хорошие студенты.

— Упрямые. Один сказал: «Но я же точно помню свой выпускной».

— Что ты ответила?

— Что человек может быть совершенно уверен в воспоминании и всё равно ошибаться.

— Он обиделся?

— Немного.

— Значит, дошло.

Марина улыбнулась.

— Ты невыносим.

— Мне говорили.

— Кто?

— Разные надёжные источники.

— Бывшая жена?

Берест посмотрел на неё.

Вопрос был прямой, но без любопытства ради любопытства.

— В том числе.

— Я сейчас зашла на опасную территорию?

— Нет.

— Тогда почему ты так посмотрел?

— Проверял, хочешь ты понять или просто спрашиваешь.

Марина отложила вилку.

— А если хочу понять?

— Тогда спрашивай.

Она немного подумала.

— Вы давно развелись?

— Достаточно.

— Это не число.

— Ты быстро учишься.

— Я работаю с людьми.

Берест сделал глоток воды.

— Несколько лет.

— Нормально общаетесь?

— Да.

— Это редкость?

— Не знаю. Я не веду статистику разводов.

— Я не об этом.

Он понял.

— Мы не воевали. Просто однажды оказалось, что можно жить в одной квартире и почти не встречаться.

— Ты много работал?

— Я всегда много работал.

— Это звучит как оправдание.

Берест кивнул.

— Возможно.

— И всё?

— Нет.

Он посмотрел в окно.

Снег густо ложился на тёмные крыши машин и тут же стекал водой.

— Наталья однажды сказала, что я прихожу домой каждый вечер, но она не уверена, что вместе со мной приходит Игнат.

Марина не ответила сразу.

— Хорошая фраза.

— Плохой вечер.

— Верю.

— Она была права.

Марина не стала говорить, что ему следовало поступить иначе.

Не спросила, почему он не изменился.

Просто сказала:

— Теперь ты работаешь меньше?

Берест усмехнулся.

— Нет.

— Тогда что изменилось?

Вопрос оказался точнее, чем ему хотелось.

— Теперь я хотя бы замечаю, когда ухожу из разговора раньше, чем из комнаты.

— И часто возвращаешься?

— Учусь.

— Это уже что-то.

— Ты опять говоришь как учёный?

— Нет. Как человек, который пока не решил, насколько ему это важно.

Берест задержал на ней взгляд.

Марина спокойно отпила вина.

Он не стал превращать её фразу в шутку.

Через некоторое время она сама сменила тему.

— Ты ведь всё равно думаешь о своём деле.

— Иногда.

— Сейчас тоже.

— Немного.

— И как ты это определяешь? По внутреннему счётчику?

— По тому, что перестаю слышать собеседника.

— Очень удобно.

— Не для собеседника.

Марина посмотрела на него чуть внимательнее.

— И что там?

Берест покачал головой.

— Не хочу превращать ужин в разбор убийства.

— Я не просила разбор.

— Тогда лучше не начинать.

— Игнат, я не собираюсь решать твоё дело. Мне достаточно своих студентов.

Он улыбнулся.

— Это одна из причин, почему я здесь.

— Всего одна?

— Остальные пока не подлежат разглашению.

— Опять профессиональная деформация.

— Возможно.

Она не настаивала.

Но через минуту сказала:

— Я всё же спрошу одну вещь. Не о деле. О людях.

— Это опаснее.

— Почему?

— Потому что про людей обычно сложнее отвечать.

Марина провела пальцем по ножке бокала.

— Когда человек собирает за одним столом несколько людей, которые друг друга не особенно любят, это почти никогда не бывает случайно.

Берест поднял глаза.

— Это уже очень похоже на консультацию.

— Нет. Это обычная жизнь. У нас в институте так проходят все заседания кафедры.

Он рассмеялся.

— Продолжай.

— Не буду. Ты сам только что сказал, что не хочешь обсуждать дело.

— Теперь уже поздно.

— Вот именно. Поэтому остановлюсь раньше, чем ты начнёшь приписывать мне соучастие в расследовании.

Берест сделал глоток вина, но мысль осталась.

Не потому, что Марина сказала что-то новое.

Он и сам знал, что состав ужина был необычным.

Но до сих пор смотрел на пятерых как на пять отдельных людей, каждого со своим мотивом.

Жена.

Сын.

Финансовый директор.

Бывший партнёр.

Человек, имевший основания ненавидеть Звягина.

Пять разных историй.

А если Звягин видел их иначе?

Не как пять отдельных проблем.

Как пять частей одной старой истории.

Берест поймал себя на том, что уже не слышит музыку.

Марина заметила.

— Всё. Ты ушёл.

Он вернулся взглядом к ней.

— На этот раз ненадолго.

— Я засекла.

— Сколько?

— Три секунды.

— Мои часы говорят семь.

— Не используй их в суде.

— Не собираюсь.

Она улыбнулась.

— Тогда оставим твоих пятерых людей до завтра.

Берест не спросил, откуда она решила, что их пятеро.

Он сам упомянул ужин несколько дней назад, почти

вскользь.

И всё же отметил это.

Не как улику.

Как привычку.

Марина запоминала то, что считала важным.

После ужина они не сразу разошлись.

Снег не прекращался.

Марина застегнула пальто у выхода и посмотрела наружу.

— Такси будет ехать вечность.

— Я могу подвезти.

— А твоя машина умеет ездить по мокрому снегу?

— Лучше, чем я.

— Не слишком успокаивает.

— Тогда можем пройтись.

Она посмотрела на него.

— До моей машины минут пятнадцать.

— Прекрасно.

— Ты специально поставил далеко?

— Нет. Но теперь готов утверждать, что да.

Они вышли.

Холод оказался резче, чем ожидалось.

Снег сразу лёг Марине на волосы. Она натянула капюшон, потом передумала и снова сняла.

— Ненавижу капюшоны.

— Тогда зачем он?

— Производитель пальто считал иначе.

Они пошли вдоль переулка.

Людей стало меньше. Под ногами хлюпала вода, дворники сгребали мокрую кашу к бордюрам, хотя через десять минут всё выглядело так же.

Марина взяла Игната под руку, когда обходила большую лужу.

Не отпустила сразу.

Берест не сделал вид, что не заметил.

Но и не сказал ничего.

— Ты сейчас очень стараешься не анализировать ситуацию? — спросила Марина.

— Какую?

— Например, почему я всё ещё держу тебя под руку.

— Я решил собрать больше данных.

— Осторожный подход.

— Научный.

— Тогда сообщаю дополнительный факт: мне скользко.

— Это всё объясняет.

— Тебе полегчало?

— Значительно.

— Лжец.

— Ничего подобного. Я просто дозирую информацию.

Она рассмеялась.

— Плохое влияние.

— Ты сама начала.

У перекрёстка они остановились на красный.

Марина смотрела на мокрый снег, падающий в свет фонаря.

— Красиво.

— Ты утром тоже сказала бы так?

— Утром я вообще редко говорю правду о погоде.

— Почему?

— До кофе я предвзята.

— А сейчас?

— Сейчас нравится.

Берест посмотрел на снег.

— Завтра всё растает.

— Возможно.

— Тогда зачем любоваться?

Марина повернулась к нему.

— Потому что сегодня не завтра.

Он молчал.

— Тебе обязательно всё сохранять? — спросила она.

— Нет.

— Иногда кажется, что да.

— Это профессиональное.

— Нет. Профессиональное у тебя заканчивается там, где

начинаются люди.

Берест посмотрел на неё.

— Ты уверена?

— Нет. Но это моя версия.

Загорелся зелёный.

Они перешли дорогу.

Марина не отпустила его руку.

Возле парковки она остановилась.

— Моя машина там.

— Вижу.

— Спасибо за ужин.

— Не за что.

— И музыка действительно была тише.

— Я способен учитывать критику.

— Иногда?

— В исключительных случаях.

Она улыбнулась.

— Тогда запомни ещё одну вещь.

— Какую?

— Следующий ужин выбираю я.

— Уже планируется следующий?

— Я сказала, что выбираю. Не приписывай свидетелю

лишнего.

Берест рассмеялся.

— Опять используешь мои методы.

— Они удобные.

Марина открыла дверь машины, но не села.

— И ещё.

— Что?

— Не работай сегодня ночью.

— Почему ты решила, что собираюсь?

— Потому что последние двадцать минут ты несколько раз переставал слышать меня примерно на три секунды.

Берест нахмурился.

— Было заметно?

— Только человеку, который профессионально изучает мозг.

— Очень удобная профессия.

— Я предупреждала.
Она села в машину.
Берест закрыл дверь.
Марина опустила стекло.

— Игнат.

— Да?

— Я серьёзно. Хотя бы сегодня не работай.

— Постараюсь.

— Это опять не обещание.

— Зато его легче выполнить.

Она покачала головой.

— До встречи.

— До встречи.

Машина выехала со стоянки.

Берест остался на тротуаре.

Снег падал всё гуще.

Несколько секунд он смотрел вслед, потом пошёл к своей машине.

Доехал домой, повесил мокрое пальто и поставил чайник.

Папка дела лежала на столе.

Он прошёл мимо.

Снял пластинку с полки, включил проигрыватель и налил чай.

Первые десять минут всё получалось.

Потом взгляд упал на блокнот.

Берест вздохнул.

— Это не работа. Это одна мысль.

Никто не возразил.

Он сел.

На последней странице оставались записи после разговора с Павлом:

ПАВЕЛ — ДОЛГ.

РАСПИСКА — НАЙТИ.

ПАПКА — ВИДЕЛ. ОТКРЫВАЛ. УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО
ОСТАВИЛ.

Ниже он написал:

КТО ВИДЕЛ ПАПКУ ПОСЛЕ ПАВЛА?

Посмотрел на строку.

Зачеркнул.

Слишком узко.

Проблема была не только в том, куда исчезла папка.

И даже не только в том, кто знал о ней.

Проблема начиналась раньше.

Звягин сам собрал этих людей.

Сам позвонил каждому.

Сам отпустил прислугу.

Сам приготовил старые документы.

Сам сказал, что после кофе собирается закончить старую историю.

Берест медленно написал:

ПОЧЕМУ ОДНА И ТА ЖЕ ИСТОРИЯ ТРЕБОВАЛА
ПРИСУТСТВИЯ ВСЕХ ПЯТЕРЫХ?

Он перечитал вопрос.

Жена могла знать семейную часть.

Сын — свою.

Вершинина — финансовую.

Карташ — ту часть, в которой кто-то потерял деньги.

Ремез — деловую.

Пока это были только догадки.

Но если пять человек действительно были связаны не пятью разными причинами, а одной старой историей, тогда исчезновение папки выглядело иначе.

Она могла содержать не один документ против одного человека.

Она могла связывать всех.

Берест встал и подошёл к окну.

Мокрый снег всё ещё падал, но уже реже.

Он вспомнил слова Звягина:

«Есть одна старая история, которую пора закончить».

Не пять историй.

Одна.

Вот что он до сих пор слышал слишком буквально.

Звягин не сказал каждому: «У меня к тебе разговор».

Он собрал всех вместе.

Значит, хотел, чтобы они слышали одно и то же.

Или чтобы слышали друг о друге.

Берест вернулся к столу.

Под первым вопросом написал второй:

КТО ИЗ НИХ БОЯЛСЯ НЕ ТОГО, ЧТО ЗВЯГИН СКАЖЕТ О НЁМ, А ТОГО, ЧТО ОСТАЛЬНЫЕ УЗНАЮТ ОБО ВСЕХ?

Он долго смотрел на эту строку.

Вот теперь дело изменилось.

Если Звягин действительно готовил общее признание, убийца мог прийти в кабинет не для того, чтобы остановить личное обвинение.

Он мог пытаться остановить раскрытие всей конструкции.

Тогда папка была нужна не потому, что в ней лежала одна опасная бумага.

А потому, что в ней мог лежать ответ на вопрос, почему именно эти пятеро оказались за одним столом.

Берест закрыл блокнот.

Марина просила не работать.

Он посмотрел на часы.

Прошло почти полчаса.

— Почти получилось, — сказал он.

Потом снова открыл блокнот.

Внизу страницы оставалось место.

Игнат написал ещё одну строку:

ЕСЛИ ЗВЯГИН СОБРАЛ ИХ, ЧТОБЫ СВЯЗАТЬ ВМЕСТЕ, КТО ИЗ ПЯТЕРЫХ ЗНАЛ ОБ ЭТОМ ДО УЖИНА?

И вот этот вопрос уже не давал ему закрыть папку.

Потому что один человек, возможно, приехал в дом не для того, чтобы услышать правду.

Он мог приехать, чтобы не позволить Звягину её произвести.

ГЛАВА VIII

Александр Ремез

«Так как истина вечно уходит из рук —

Не пытайся понять непонятное, друг».

Омар Хайям. Перевод Германа Плисецкого

К утру мокрый снег исчез.

От него осталась вода на подоконниках, чёрные ветви деревьев и редкие белые клочья на крышах гаражей, куда ещё не добралось солнце. Москва снова стала серой, словно вчерашнего вечера не было.

Берест проснулся без будильника.

Некоторое время лежал, глядя в потолок, потом протянул руку к часам.

Семь сорок три.

Значит, семь тридцать шесть.

Он встал.

На кухне поставил кофе и открыл холодильник. Вчера он собирался купить продукты, но ужин с Мариной изменил планы. Остались яйца, сыр, половина помидора и базилик, который каким-то чудом переживал уже вторую неделю.

Игнат приготовил омлет.

Телефон лежал экраном вверх.

Он заметил это только тогда, когда сел завтракать.

Несколько секунд смотрел на него, потом усмехнулся и перевернул экраном вниз.

Телефон сразу зазвонил.

Берест снова перевернул его.

Гущин.

— Доброе утро.

— У вас оно уже доброе?

— Пока никто не умер.

— Оптимистичный критерий.

— Для нашей профессии вполне.

— У вас уже не наша профессия.

— Тем более.

Гущин помолчал.

— Расписку нашли.

Берест отложил вилку.

— Где?

— В банковской ячейке Звягина.

— Интересно.

— Личный пакет документов. Расписка Павла там. Пятнадцать миллионов, дата совпадает с его рассказом.

— Значит, часть истории подтверждается.

— Только часть?

— Он сказал, что искал расписку. Мы подтвердили существование расписки. Не его намерение.

— Иногда вы утомляете.

— Мне говорили.

— Есть ещё кое-что. По папке пока ничего. Ни секретарь, ни водитель не помнят, чтобы Звягин куда-то её передавал. В банковской ячейке похожей папки нет.

— А сейф?

— Перебрали всё. Нет.

Берест посмотрел на остывающий омлет.

— Значит, вопрос остаётся.

— Остаётся.

— Павел?

— Пока не трогаем. Его телефон, долги, перемещения проверяем. Карташ подтверждает, что после ужина видел его в бильярдной. По времени точно не привязываемся, как вы и просили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.